

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ХЛЕБУШЕК

Хлебушек

Чистый лист

«Автор»

2026

Хлебушек

Чистый лист / Хлебушек — «Автор», 2026

После тяжёлой аварии журналист Женя Белов пытается собрать заново собственную жизнь. Однако прошлое не спешит оставаться прошлым. Оно напоминает о себе чужими словами, случайными встречами и вопросами, на которые у него нет ответов. Каждый новый шаг к истине лишь сильнее запутывает происходящее, заставляя сомневаться в собственных воспоминаниях и в самом себе.

© Хлебушек, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Белая палата	9
Глава 2. Чужая квартира	15
Глава 3. Редакция	22
Глава 4. Дядя Саша	33
Глава 5. Старая авария	45
Глава 6. Отголоски прошлого	54

Хлебушек Чистый лист

Пролог

Ноябрь 2018 года

Дождь закончился около часа назад, но лес ещё шумел каплями. Они срывались с веток, глухо ударяли по крыше машины и скатывались по стёклам. Над асфальтом лежал редкий туман; в свете фар он медленно тянулся через дорогу и исчезал среди голых деревьев.

Последний фонарь остался в нескольких километрах позади — вместе с автобусной остановкой, закрытым магазином и редкими домами. Здесь дорога принадлежала только лесу.

На широкой обочине стояла тёмная машина. Двигатель работал, из выхлопной трубы поднимался белый пар. В салоне было жарко. Боковые стёкла успели запотеть, а по лобовому медленно сползали капли, оставшиеся после дождя.

Человек за рулём сидел неподвижно.

Правая рука лежала на руле, левая прикрывала глаза. Пальцы массировали переносицу, но головная боль не отступала. Стоило закрыть глаза, как снова появлялись обрывки сегодняшнего вечера.

Чужие голоса.

Старые фотографии.

Пыльные документы, которые рассыпались на сгибах.

И даты. Утром они казались бессмысленным набором цифр. Теперь выстраивались в последовательность, для которой он не находил безопасного объяснения.

Он открыл глаза и посмотрел на дорогу.

Нет. Где-то должна быть ошибка.

В документах. В записях. В его собственных выводах.

Тишина сначала помогала. После нескольких часов разговоров, хлопанья дверей и шороха старой бумаги хотелось только одного — чтобы вокруг наконец стало тихо. Но за четыре минуты, проведённые на обочине, тишина изменилась. Теперь в ней слишком отчётливо слышались двигатель, печка и едва заметное потрескивание пластика.

Он перевёл взгляд на пассажирское сиденье.

Там лежал старый блокнот. Тёмная обложка выцвела, края размякли от сырости, корешок был перетянут пожелтевшим скотчем. Из-под резинки торчали несколько сложенных листов и угол чёрно-белой фотографии.

На верхнем листе виднелись ровные строчки, перечёркнутые поздними пометками синей ручкой. Под ним — часть схемы. С такого расстояния надписи было не разобрать, но он и без того помнил их почти дословно.

Он слишком долго читал эти записи.

Достаточно долго, чтобы отдельные слова теперь проступали на внутренней стороне век.

Рука потянулась к блокноту и остановилась. В одиннадцатый раз там не появится ничего нового. Те же фамилии. Те же даты. Та же подпись под последней страницей.

Он отвернулся.

Совпадения можно объяснить. Ошибки в старых архивах — тоже. Документ мог оказаться черновиком, фотография — не иметь отношения к записям, чужая фамилия — принадлежать другому человеку.

Но всё сразу уже не выглядело случайностью.

Большой палец несколько раз прошёлся по стёртому участку рулевой оплётки. Привычное движение обычно помогало привести мысли в порядок. Сейчас не помогло.

Он думал не о документах и не о схеме.

О человеке.

О лице на старой фотографии, которое узнал сразу.

На снимке оно было моложе, худее, непривычно серьёзное. Но ошибиться он не мог. Именно поэтому всё остальное внезапно приобрело смысл, от которого хотелось избавиться.

Он посмотрел в боковое окно.

За стеклом стоял тёмный лес. Поверх него отражалось собственное лицо — бледное, усталое, почти чужое.

— Паранойя, — тихо произнёс он.

Слово прозвучало неубедительно.

На приборной панели горели зелёные цифры:

22:47.

Прошло всего четыре минуты с тех пор, как машина остановилась.

Всего четыре.

Он откинулся на спинку сиденья. Можно было вернуться домой, убрать блокнот в ящик и лечь спать. Утром события этого вечера наверняка покажутся менее значительными. Появится простое объяснение, которое сейчас ускользает из-за усталости.

Он почти поверил в это, пока снова не посмотрел на торчащий из блокнота угол фотографии.

Домой ехать было нельзя.

Не потому, что там его могла ждать опасность. Эта мысль была бы слишком простой и даже успокаивающей. Просто дома он останется с находкой один на один. Будет лежать с открытыми глазами, перебирать версии и ждать утра, хотя уже сейчас понимал: самостоятельно он не разберётся.

Нужно было кому-то позвонить.

Мысль пришла не сразу, но, появившись, вытеснила остальные. Разговор всё равно состоится — сегодня или завтра. Разница заключалась лишь в том, хватит ли ему смелости сделать первый шаг сейчас.

Телефон лежал на центральной консоли. Чёрный экран отражал тусклый свет приборной панели.

Он протянул руку, но не взял его.

Странно, насколько тяжёлым может оказаться самое простое действие. Нужно всего лишь разблокировать экран, выбрать имя и нажать на кнопку. Но именно выбор был опаснее всего.

Он не знал, кому теперь можно доверять.

Наконец телефон оказался в руке. Экран вспыхнул холодным светом, заставив сощуриться. Уведомления появились одно за другим, но он не стал их читать и открыл «Избранное».

На экране было четыре контакта.

Лена.

Мама.

Алексей Миронов.

Дядя Саша.

Ещё вчера выбор показался бы очевидным. За каждым именем стоял человек, которому он привык доверять, и этого всегда было достаточно. Сегодня любое из них могло оказаться ошибкой.

Палец завис над экраном.

Позвонить тому, кто выслушает и не задаст лишних вопросов?

Тому, кто приедет, если попросить?

Или тому, кто, возможно, уже знает ответы?

Он перевёл взгляд на блокнот. По размокшей обложке тянулась светлая царапина. Раньше он её не замечал. Она пересекала поверхность почти по диагонали и обрывалась у резинки, словно блокнот пытались чем-то поддеть.

Эта мелочь ничего не доказывала. И всё же именно она заставила принять решение.

Он выбрал контакт.

Телефон коротко дрогнул в руке. В салоне раздался первый гудок.

Он прозвучал неожиданно громко. Мужчина убавил звук и посмотрел в зеркало заднего вида. Позади не было ничего, кроме красноватого отсвета габаритов на мокром асфальте.

Первый гудок стих.

Второй показался длиннее.

На мгновение возникло почти детское желание сбросить вызов, завести машину и уехать, пока никто не успел ответить. Сделать вид, что звонка не было. Что блокнот всё ещё лежит там, где пролежал много лет, а сегодняшний вечер ничем не отличается от любого другого.

Он уже поднёс палец к экрану, когда в динамике раздался щелчок.

Вызов приняли.

Несколько мгновений на другом конце слышалось только дыхание.

Затем знакомый голос произнёс:

— Д-да, я слушаю...

Он открыл рот, но первые слова так и не прозвучали.

В зеркале заднего вида появились фары.

Машина вышла из-за поворота далеко позади. Белый свет заметался по мокрому асфальту, на мгновение выхватил стволы у обочины и вернулся на дорогу.

Человек за рулём машинально выпрямился.

— Ты меня слышишь? — спросили в телефоне.

— Да. Мне нужна помощь.

Он включил громкую связь и положил телефон рядом с блокнотом. Потом снял машину с ручника, ещё раз взглянул в зеркало и потянул рычаг коробки передач. Фары оставались достаточно далеко.

Машина мягко тронулась с обочины. Передние колёса выбрались из размокшей колеи на асфальт, задние на мгновение пробуксовали. Он выровнял руль и прибавил газ.

— Что случилось?

— Я нашёл кое-что. Старые записи и...

Салон залило белым светом.

На стёклах разом проступили царапины, пыль и следы высохших капель. Собственная тень метнулась по приборной панели. Он поднял глаза к зеркалу — и на мгновение ничего не увидел, кроме двух слепящих кругов.

Фары, секунду назад казавшиеся далёкими, стремительно разрастались.

Возможно, он неправильно оценил расстояние. Возможно, та машина шла намного быстрее, чем показалось.

Он вдавил педаль газа.

Двигатель взревел. Машина рванулась вперёд, но задние колёса попали на полосу мокрой земли у края асфальта и сорвались в пробуксовку. Из-под них полетели грязь и мелкие камни. Автомобиль качнуло вправо. Он выровнял руль, снова нажал на газ и услышал, как мотор захлёбывается на высоких оборотах.

Белый свет уже заполнил зеркало целиком.

Сзади не раздалось ни сигнала, ни визга тормозов.

Он успел сильнее сжать руль.

Первый удар был не похож на грохот. Скорее на короткий, чудовищно тяжёлый толчок, от которого кузов разом потерял форму. За спиной лопнул металл, заднее стекло осыпалось внутрь, и воздух наполнился мелкой холодной крошкой.

Голову швырнуло назад. Затылок ударился о подголовник, челюсти сомкнулись так резко, что во рту появился вкус крови. Руль вырвался из рук.

Машину развернуло поперёк дороги.

Мир за окнами пришёл в движение: мокрый асфальт, белые дорожные столбики, чёрные деревья, чужие фары. Всё пронеслось по кругу и смешалось в одну рваную полосу. Шины на мгновение зацепились за покрытие с протяжным визгом, затем правые колёса соскочили с асфальта.

Телефон подлетел над пассажирским сиденьем и ударился о панель. Блокнот раскрылся в воздухе. Несколько листов вырвало из-под резинки, и они разлетелись по салону, прилипая к запотевшим стёклам.

Из динамика донёсся далёкий, искажённый треском голос:

— Алло?.. Что случилось? Ты меня слышишь?

Он снова поймал руль, но тот проворачивался почти без сопротивления. Машина боком скользила по размокшей обочине. Под днищем забарабанили камни; что-то оторвалось и с металлическим скрежетом потащилось по земле.

Потом передние колёса провалились в кювет.

Автомобиль резко накренился. Плечо ударилось о дверь. Свет фар нырнул вниз, выхватил из темноты бурую воду, спутанную траву и корни. На капоте с сухим треском ломались ветки. Одна хлестнула по лобовому стеклу, оставив белую звезду прямо перед его лицом.

Он нажал на тормоз, хотя тормозить было уже поздно.

Машину подбросило на краю канавы. На короткое мгновение она словно зависла, и в этой внезапной невесомости он увидел впереди толстый сосновый ствол — мокрый, блестящий, залитый собственными фарами.

Ствол стремительно заполнил лобовое стекло.

Второй удар заглушил всё.

Глава 1. Белая палата

— Евгений. Евгений, если слышите меня, сожмите пальцы.

Чьи-то пальцы касались его правой ладони — сухие, прохладные. Он попробовал сжать их. Кисть отозвалась не сразу, как чужая, которую он слишком долго держал под собой во сне.

— Хорошо. Ещё раз.

На этот раз получилось лучше. Большой палец скользнул по гладкой коже медицинской перчатки. В ответ человек коснулся его запястья и задержался там, отсчитывая удары.

Евгений открыл глаза.

Свет был плоским и белым. Он не падал сверху, а заполнял всё пространство: потолок с квадратными панелями, стену, металлическую стойку с прозрачным пакетом. Линии расплывались, снова сходились. Пришлось зажмуриться. Под веками поплыли красные пятна.

Пахло антисептиком, нагретым пластиком и чем-то сладковатым, больничным. Под лопатками сбилась влажная простыня. Пластырь на сгибе локтя тянул кожу, а в вене холодела тонкая струйка раствора.

— Не спешите, — сказал тот же голос. — Сначала просто дышите.

Евгений вдохнул.

Слева под рёбрами натянулась тугая полоса. Боль пришла следом — резкая, точная. Она заставила оборвать вдох и прижать локоть к боку, но левая рука почти не двинулась. Плечо удерживала плотная повязка. Во рту было сухо, язык казался шершавым, горло саднило.

— Где я?

Собственный голос прозвучал низко и хрипло.

— Вы в больнице. Я Василий Иванович, ваш лечащий врач. Вы попали в аварию.

Над ним склонился мужчина лет пятидесяти в светло-синей медицинской куртке и расстёгнутом белом халате. На переносице остался красный след от очков. Василий Иванович посветил Евгению в один глаз, затем в другой. Луч резанул до затылка.

— Как вас зовут?

Вопрос показался глупым. Имя уже произнесли, но врач ждал.

— Евгений Белов.

— Сколько вам лет?

— Тридцать один.

— Какой сейчас год?

— Две тысячи восемнадцатый.

— Месяц?

— Май.

Врач не кивнул. Несколько секунд он просто смотрел на Евгения, потом погасил фонарик.

— Почему май?

— Потому что сейчас май.

Ответ прозвучал увереннее, чем он себя чувствовал. Евгений закрыл глаза и потянулся к последнему обычному дню.

Редакция. Окна открыты настежь, но в комнате всё равно душно. В щель москитной сетки набился тополиный пух. Он прилипает к чёрной раме, шевелится от сквозняка. Со стороны проспекта доносится трамвайный звон; во дворе-колодце он звучит глуше и дольше. На столе стынет кофе, рядом лежит распечатка с правками. Кто-то за спиной спорит из-за заголовка. Евгений обещает закончить текст до обеда и смотрит на календарь над принтером.

Май.

Солнечный прямоугольник лежит на столе и греет предплечье. Он двигает кружку в тень, чтобы молоко не скисло.

Дальше ничего не было.

Не темнота и не туман. Память просто заканчивалась — ровно, без обрывков, как дорога у бетонной стены.

Евгений открыл глаза.

— Сейчас конец ноября, — сказал врач.

Сначала Евгений решил, что ослышался. Гул вентиляции стал громче, хотя она работала так же. В пакете над кроватью сорвалась капля, пробежала по трубке и исчезла под пластырем.

— Какого года?

— Две тысячи восемнадцатого.

— Тогда я был без сознания полгода?

— Нет. Авария произошла три дня назад.

Врач произнёс это спокойно, оставляя между фразами достаточно места. Евгений попробовал соединить их сам.

Май. Ноябрь. Три дня.

Шесть месяцев, в течение которых он ходил по улицам, разговаривал, работал, ложился спать и просыпался, исчезли целиком. Не отдельный вечер перед аварией. Не несколько часов.

Полгода.

Он попытался подняться. Плечо дёрнуло болью, под рёбрами будто затянули проволоку. Потолок качнулся, к горлу подступила тошнота.

— Лежите.

Врач прижал ладонь к его здоровому плечу и нажал кнопку на пульте. Изголовье кровати медленно поднялось. Матрас зашуршал под спиной.

— Я должен что-то помнить.

— Сейчас вы должны дышать и не потерять сознание второй раз.

Евгений упёрся затылком в подушку. По виску под повязкой расползлось горячее давление. Он снова полез в память, теперь уже намеренно, с усилием.

Лето.

Ничего.

Июнь — пусто. Июль, август, сентябрь, октябрь. Слова обозначали месяцы, но ни за одним не возникало ни лица, ни комнаты, ни запаха. Он мог вспомнить прошлую зиму, мог увидеть, как в январе тащил по двору машину Лены, застрявшую в рыхлом снегу. Помнил отцовские похороны, школьный спортзал, первую редакционную планёрку. Чем дальше он отступал от мая, тем свободнее открывалась память.

Но последние полгода были вырезаны без остатка.

— Что со мной?

Василий Иванович взял с края кровати планшет.

— Сотрясение, ушиб грудной клетки, трещина в ребре, вывих плеча, порезы от стекла. Повреждений мозга, требующих операции, мы не видим. Провал памяти похож на ретроградную амнезию.

— Полгода — это нормально?

— После травмы память ведёт себя по-разному. Я не буду обещать, что всё вернётся завтра. И не стану утверждать, что не вернётся никогда. Наблюдаем, делаем обследования, не торопимся с выводами.

— Очень обнадеживает.

— Ложь обнадеживает быстрее. Но ненадолго.

Врач произнёс это без назидания. Он проверил повязку у Евгения на виске, попросил пошевелить стопами, поднять правую руку и назвал три слова: «лимон», «ключ», «трамвай». Велел повторить их сейчас и через несколько минут.

— Лимон, ключ, трамвай.

— Хорошо. Как зовут вашу мать?

— Татьяна Белова.

— Кем вы работаете?

— Журналистом.

Ответы приходили сразу. Евгений видел здание редакции, знал, на каком этаже заедает кнопка лифта, помнил номера рабочих телефонов и пароль от старой почты. В голове сохранились лица коллег, приёмы, привычки, разговоры. Всё было на месте — до последнего майского дня.

— Василий Иванович, сколько я здесь?

— Почти трое суток. Большую часть времени вы находились под седацией. Сейчас показатели стабильные, но вставать без медсестры запрещено. Даже если покажется, что можете.

— Лимон, ключ, трамвай.

Врач позволил себе короткую улыбку.

— Кратковременная память работает. Это хороший признак.

Он убрал фонарик в карман.

— Сейчас я впускаю родственников. Ненадолго. Если усилится тошнота, поплывёт зрение или станет труднее дышать — сразу говорите. И не пытайтесь успокаивать их ценой собственного состояния.

Дверь закрылась почти бесшумно.

Евгений остался один с белым потолком и шестью месяцами, которых не существовало.

За стеной прокатили тележку. Колёса мерно ударили о стыки напольного покрытия. Где-то дальше женщина попросила принести телефон, потом повторила громче. Из коридора тянуло варёной капустой и кофе из автомата. Обычные звуки и запахи делали аварию ещё менее правдоподобной. Слово не подходило к нему, как фамилия незнакомого человека.

Он осторожно повернул голову к окну. В стекле отражалась кровать и человек на ней — бледный, небритый, с пластырем над бровью и жёлтым пятном на скуле. За отражением темнел ноябрьский Петербург: низкое небо слилось с мокрыми крышами, голые ветви пересекали трамвайные провода, жёлтый свет фонарей дрожал на асфальте. Где-то за домами вагон с металлическим скрежетом вошёл в поворот и затих. Дождевые капли на стекле вытягивали огни в длинные мутные полосы.

В мае деревья уже были зелёными.

Эта простая мысль испугала сильнее слов врача.

Дверь открылась.

Мать остановилась на пороге. На ней был серый свитер, который Евгений помнил много лет, и чужая синяя куртка поверх него. Волосы оказались короче, чем в последнем воспоминании, и неровно лежали у висков. В правой руке она держала сумку, в левой — бумажный стаканчик с давно остывшим кофе.

— Мам.

Стаканчик смялся под её пальцами.

Она поставила его на тумбочку и подошла. Наклонилась, но в последний момент не обняла, боясь задеть повязки. Только провела ладонью по его волосам там, где не было пластыря. От пальцев пахло холодным воздухом и дешёвым мылом из больничного туалета.

— Женечка... Ты меня узнал.

— Конечно.

— Сказали, ты можешь... что ты не сразу...

— Я тебя узнал.

Мать кивнула несколько раз. Глаза у неё покраснели, но она не плакала. Вместо этого принялась разглаживать край одеяла.

— Ты подстриглась, — сказал Евгений.

Она коснулась волос.

— В августе.

В комнате на секунду стало слышно только вентиляцию.

За её спиной появился высокий мужчина в тёмном свитере. В одной руке он держал пакет с водой, влажными салфетками и зарядным устройством, в другой — пальто Татьяны. На плечах свитера таяли мелкие капли. Он принёс с собой запах улицы, мокрой шерсти и крепкого кофе.

Евгений узнал его сразу.

— Дядя Саша.

Александр Павлов остановился. Лицо у него дрогнуло — быстро, почти незаметно. Он поставил пакет на стул, снял очки и потёр переносицу.

— Ну наконец-то, — сказал он. — А то твоя мать уже решила уволить всех врачей и лечить тебя сама.

— Не выдумывай, — отозвалась Татьяна, не оборачиваясь.

— Я всего лишь возвращаю человеку волю к жизни.

Павлов подошёл и осторожно положил ладонь Евгению на здоровое плечо. Не сжал и не похлопал, просто подержал несколько секунд. Ладонь была тёплой.

— Напугал ты нас, Евгешка.

Так его не называли почти двадцать лет. От короткого «Евгешка» всплыло лето на даче: стол под яблоней, полосы солнца на клеёнке, Павлов моложе, с закатанными рукавами, спорит с Виктором о том, сколько угля нужно для шашлыка. Отец стоит у мангала спиной. Евгений мысленно окликает его, и воспоминание послушно поворачивается: отец смеётся, щурясь от дыма.

С этим всё было в порядке.

— Что произошло? — спросил Евгений.

Татьяна перестала трогать одеяло.

Павлов придвинул стул для неё, себе оставил узкий подоконник.

— Машина съехала с дороги километрах в сорока от Петербурга, — сказал он. — Ударилась о дерево. Полиция пока ничего толком не знает. Дождь, мокрый асфальт. Возможно, тебя зацепила другая машина, но это ещё проверяют.

— Я был один?

— В твоей машине — да.

— Куда я ехал?

Мать посмотрела на Павлова. Тот не торопился отвечать.

— Мы не знаем, — сказал он. — Ты никому не сказал.

Евгений прикрыл глаза. Ночная дорога. Дождь. Сорок километров от города.

За этими словами не возникло ни одной картинки.

— Телефон нашли?

— Разбит. Сейчас у полиции вместе с остальными вещами. Я договорился, тебя не будут дёргать с показаниями, пока врач не разрешит. Машина на стоянке. Со страховкой тоже разберёмся, об этом не думай.

Павлов говорил без нажима, перечисляя решённые задачи. Документы. Полиция. Страховая компания. В его присутствии неприятности всегда становились списком, а список можно было пройти сверху вниз.

— Здесь не похоже на районную больницу. Это ты добился перевода? — спросил Евгений.

— Скорая сначала отвезла тебя в районную больницу. Здесь освободилось место, и нейрохирург был на смене. Ничего героического.

— Он поднял на ноги половину города, — сказала Татьяна.

— Не половину. Максимум треть.

Павлов достал бутылку, открутил крышку и налил воды в пластиковый стакан. Поднял изголовье кровати, сперва спросив взглядом разрешения, и подал стакан Евгению. Рука у того дрожала. Павлов сделал вид, что не заметил, лишь придержал снизу.

Вода пахла пластиком, но после первого глотка горло перестало царапать.

— Лена была? — спросил Евгений.

— Ночью приезжала, — ответила мать. — Тебя уже перевели, её не пустили. Сегодня тоже звонила.

В последнем воспоминании о Лене было открытое окно спальни. Майская ночь, шум машин с проспекта, её голая ступня поверх одеяла. Они собирались на выходных купить шторы, потому что утреннее солнце било прямо в лицо.

Шторы они наверняка купили. Возможно, успели выбросить, поссориться из-за них или переехать. Для него этого не произошло.

— Мы с ней всё ещё вместе?

Татьяна слишком быстро взяла смятый стаканчик с кофе и понесла к мусорному ведру.

— Сам у неё спросишь, — сказал Павлов. — Я в ваши отношения не лезу. Мне моей личной жизни хватает.

— У тебя нет личной жизни.

— Вот видишь, сколько она отнимает сил.

Евгений улыбнулся и тут же поморщился: разбитая губа лопнула, на языке появился солоноватый вкус.

Павлов поднялся с подоконника.

— Всё, хватит на сегодня. Тебе надо отдыхать.

— Подожди. Что я делал эти полгода?

Татьяна обернулась от мусорного ведра.

— Работал, наверное. Ты почти ничего не рассказывал.

— Как это — наверное?

— Сначала говорил, что занят большим материалом. Потом перестал говорить и об этом. Реже приезжал. На звонки отвечал не всегда.

— Что за материал?

— Ты не сказал.

Евгений перевёл взгляд на Павлова.

— А тебе?

— Мне особенно, — ответил тот. — Ты считал, что я задаю слишком много вопросов.

— Похоже на тебя.

— Вот и я не обиделся.

Евгений представил свой рабочий стол. Пальцы на клавиатуре, открытый документ, заголовок. Вместо текста перед глазами возникало белое поле, залитое светом экрана. Он знал, как проверять факты, как разговаривать с человеком, который не хочет отвечать, как из двух противоречивых показаний вытащить третью версию. Но не помнил ни одной строки, написанной после мая.

— За полгода я ни разу не называл тему?

— Мне — нет, — сказала мать.

— И ты не спросила?

Татьяна отступила от кровати. Совсем немного, на половину шага, но Евгений заметил.
— Спрашивала. Ты злился.

Под рёбрами снова сдавило, теперь не только от вдоха. Полгода его жизни существовали в воспоминаниях других людей, и каждый из них, похоже, получил другого Евгения — скрытного, раздражительного, занятого чем-то, о чём он не хотел рассказывать даже матери.

— Я даже не помню, зачем оказался в том лесу.

— Разберёмся, — сказал Павлов. — Но не за один вечер.

В этих словах была уверенность. Павлов соглашался с целью и спорил только со сроками. Татьяна вернулась к кровати, взяла Евгения за руку. Её пальцы были холодными.

— Главное, что тебя нашли.

Он посмотрел на неё.

— Кто?

Мать перевела взгляд на Павлова, теперь уже не из растерянности. Похоже, она просто не знала подробностей.

— Алексей, — сказал Павлов.

Имя сразу вызвало лицо: тёмные волосы, привычка шуриться на экран, тонкий шрам у подбородка. Алексей Миронов. Они познакомились в университете и со временем стали друг другу почти братьями. Могли не разговаривать неделями, не считая это ссорой.

— Он ехал следом?

— Говорит, нет. Позвонил в скорую и мне. Когда спасатели добрались до места, он уже стоял возле машины.

— Он здесь?

— Нет.

— Приходил, пока я спал?

Павлов покачал головой.

— После той ночи — ни разу. Я звонил ему. Отвечает через раз и разговаривать не хочет.

Это не вязалось с человеком, которого Евгений помнил. Однажды, на втором курсе, он подвернул ногу на лестнице общежития. Обычное растяжение. Алексей просидел с ним в травмпункте почти до утра, ругаясь на очередь, врачей и самого Евгения. Потом ещё неделю проверял, не пытается ли тот ходить без эластичного бинта.

Теперь он нашёл Евгения в разбитой машине и исчез.

— Как он узнал, где меня искать?

— Не объяснил, — сказал Павлов. — Я думал, ты знаешь.

Евгений повернулся к матери.

— Дай, пожалуйста, телефон.

— Женя, врач сказал...

— Я только позвоню.

Татьяна достала телефон из сумки. Чехол был липким от пролитого кофе. Евгений нашёл в контактах Алексея и нажал на вызов.

Павлов не пытался остановить. Собрал со стола пустой стакан и отошёл к окну. В стекле поверх его отражения текли дождевые дорожки.

Первый гудок.

Второй.

На третьем связь оборвалась.

Евгений посмотрел на экран. Почти сразу появилось сообщение.

«Не звоните. Я сам свяжусь».

Без приветствия. Без вопроса о его состоянии.

Евгений перечитал четыре коротких слова и снова набрал номер.

Теперь Алексей сбросил сразу.

Глава 2. Чужая квартира

На девятый день Василий Иванович разрешил ему вернуться домой.

Разрешил — слово было точным. Евгений расписался в трёх местах, выслушал наставления о таблетках, сне и внезапной тошноте, пообещал не работать, не водить машину и не пытаться вернуть память усилием воли. Последнее прозвучало так, будто память была тяжёлой дверью, которую он мог сорвать с петель, если навалится плечом.

На выходе из отделения мать остановила его, застегнула куртку до подбородка и поправила шарф.

— Мам...

— Что?

— Мне тридцать один.

— А молнию застегнуть всё равно некому.

Она отступила на шаг, осмотрела его и осталась недовольна. Синяк у виска пожелтел, порезы на щеке стянулись тонкими корочками. Левую руку он держал ближе к телу: плечо отзывалось на каждое неловкое движение. Под курткой тугая повязка сдавливала рёбра, и от этого даже неглубокий вдох казался взятым взаймы.

На улице шёл мокрый снег.

Снежинки долетали до земли тёмными каплями. У больничного крыльца блестел раскисший песок, вдоль бордюра лежала рыхлая серая каша. Евгений остановился под козырьком. После девяти дней белых стен город оказался слишком большим и подвижным: автобусы выдыхали облака пара, люди торопились, прикрывая лица воротниками, на мокром асфальте дробились фары.

Он ждал, что Петербург узнает его первым.

Город не узнал.

Мать взяла его под здоровую руку и подвела к такси.

В машине пахло сосновым ароматизатором и влажными ковриками. Водитель без спроса убавил радио, заметив больничный пакет. Они ехали медленно. Снег лип к лобовому стеклу и исчезал под дворниками, оставляя прозрачные полукружья. Евгений называл про себя улицы раньше, чем видел таблички, узнавал повороты, знал, где поток замедлится и в каком ряду лучше держаться перед мостом. Эта память работала безупречно. Она вела его через город и обрывалась там, где начинались последние полгода.

На Университетской набережной ветер качнул машину. За мокрым гранитным парапетом темнела Нева; по воде шли короткие злые волны. Автобус у остановки выпустил пассажиров и закрыл вид на другой берег. Никакой торжественности — мокрый камень, красный светофор, люди у перехода.

У матери в сумке коротко завибрировал телефон.

— Саша спрашивает, доехали ли мы.

Евгений машинально коснулся кармана. Его телефон оставался у полиции вместе с вещами из машины; в больнице он звонил с аппарата матери.

— Напиши, что почти.

Рядом мать следила за дорогой так внимательно, словно от её взгляда зависело, не попадут ли они во вторую аварию.

— Он предлагал сам нас отвезти, — сказала она.

— У него же работа.

— Вот я и сказала, что справимся.

На Четырнадцатой линии такси остановилось у знакомой арки. Над входом в булочную горела новая вывеска — белые буквы на чёрном, слишком чистые для этого фасада. В мае

там ещё висел выцветший крендель. Евгений помнил, как хозяин каждое утро выставлял на тротуар меловую доску, а ветер переворачивал её к обеду.

Теперь доски не было.

В арке тянуло сыростью и дрожжами. Под ногами блестела стёртая плитка, в глубине двора-колодца горело одно окно. Евгений поднял голову. Наверху, между стенами, лежал тесный клочок неба. Снег падал туда медленно, будто во двор он попадал уже уставшим.

Код парадной вспомнился пальцам. Четыре цифры возникли сами, и замок щёлкнул.

— Вот видишь, — обрадовалась мать. — Помнишь же!

Евгений ничего не ответил.

Лестница тоже была на месте: широкие ступени, выщербленные по краям, зелёная краска на стенах, чёрные перила с холодными латунными набалдашниками. На втором этаже пахло кошачьим кормом, на третьем — жареным луком. Он заранее знал, какая половица хрустнет перед площадкой, и всё равно вздрогнул, когда она хрустнула.

Дом принимал его небольшими доказательствами.

Перед квартирой Евгений остановился.

Дверь была его. Тёмное дерево, длинная царапина у нижней петли, круглый след от снятой наклейки. Но вместо обычной замочной скважины под ручкой стояла матово-чёрная панель. Когда мать поднесла палец, панель ожила и зажглась холодным синим светом.

— Это что?

Мать посмотрела на него.

— Замок.

— Я вижу. Откуда он?

Она не успела ответить. За дверью послышались шаги, щёлкнул внутренний засов.

На пороге стояла Лена.

Лена выглядела хуже, чем в майском воспоминании. Тёмно-русые волосы, обычно распущенные до ключиц, она стянула в тугой хвост. Узкое лицо казалось острее; заметнее стали небольшая горбинка на носу и родинка у левого виска. Серо-зелёные глаза она держала опущенными.

На Лене был старый серый свитер Евгения — тот самый, который она давно считала своим, — и чёрные джинсы. Она смотрела не на его лицо, а ниже: на повязку под расстёгнутой курткой, на руку, которую он берёт.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Он сделал движение к ней, почти не подумав. Лена отступила, освобождая проход.

Всего полшага. Этого хватило.

Мать заговорила сразу — громко, деловито, будто ничего не заметила:

— Я купила продукты. Суп в контейнере, только разогреть. Таблетки после еды, я всё подписала. Лена, ты посмотришь?

— Посмотрю.

Евгений вошёл.

Прихожая была знакомой и чужой одновременно. Зеркало с тёмным пятном у края, крючок, который вечно выпадал из стены, старая обувница — всё оставалось там, где он помнил. Но на крючке висел чёрный дождевик, которого он никогда не видел. Под обувницей стояли заляпанные глиной ботинки. Его размера, но не его.

Он снял куртку. Лена протянула руку, чтобы помочь, и тут же убрала её.

— Плечо? — спросила она.

— Вывих. Уже вправили.

— Я знаю.

— А как иначе-то...

Фраза прозвучала глупо. Они замолчали.

Мать прошла на кухню, зашуршала пакетами. Евгений медленно двинулся по коридору, касаясь стены здоровой рукой. Не для опоры — чтобы убедиться, что обои настоящие. Под пальцами чувствовались швы и знакомая выпуклость над выключателем. Он сам клеил эту полосу три года назад и тогда разозлился, что рисунок не сошёлся.

В комнате стало темнее.

На окне висели плотные зелёные шторы.

— Мы всё-таки купили их, — сказал он.

Лена остановилась за спиной.

— Ты купил.

— Без тебя?

— Без меня. В июне.

Он провёл пальцами по ткани. В последнем воспоминании они лежали в постели и спорили: Лена хотела серые, он говорил, что серые превратят спальню в офис. Спор закончился ничем. Теперь шторы были зелёными, выбранными человеком, который ещё носил его имя, но уже жил без него.

— Почему ты отступила? — спросил Евгений.

— Что?

— В дверях.

Лена скрестила руки на груди.

— Тебе врач не сказал, что в первый день нельзя устраивать допросы?

— Это не допрос.

— Тогда не задавай вопросы таким голосом.

— Каким?

Она усмехнулась, но в усмешке не было веселья.

— Вот таким.

Из кухни донёсся стук закрываемого шкафа. Мать давала им время, делая вид, что очень занята контейнерами.

Евгений посмотрел на Лену внимательнее. Под глазами у неё легли тени. На правой щеке, почти у уха, виднелась красная полоска — след от шарфа или подушки. Хотелось подойти, коснуться, спросить, где она спала этой ночью. Тело помнило близость, которой между ними уже не было.

— Для меня мы вчера выбирали шторы, — сказал он. — Всё, что было потом, исчезло.

— Очень удобно.

— Думаешь, я притворяюсь?

— Я думаю, ты умеешь не отвечать так, что виноватым остаётся тот, кто спросил.

Евгений почувствовал, как под повязкой стянуло рёбра.

— Что я сделал?

Лена посмотрела в сторону кухни.

— Тебя только что выписали из больницы. Не сегодня.

— Мне все говорят «не сегодня». Будто завтра у меня вырастут ещё полгода памяти.

— А если я расскажу, ты согласишься?

Евгений не ответил сразу.

— Не знаю. Но я постараюсь.

— Тогда не сегодня. Я не хочу снова доказывать тебе, что всё это действительно было.

Мать появилась в дверях с пустым пакетом.

— Я пойду, — объявила она. — Вам надо отдохнуть.

— Мам, ты ведь только что пришла.

— И уже всё сделала.

Она перечислила, где лежат лекарства и что можно есть, заставила его повторить время приёма таблеток. Перед уходом поцеловала в висок, затем неожиданно обняла Лену. Лена застыла, но через секунду ответила.

Входная дверь закрылась. Чёрная панель пискнула, повернулся механизм замка.

Тишина изменилась. В ней стало слышно, как в трубе идёт вода и как за стеной ребёнок раз за разом берёт на пианино одну и ту же ноту.

— Ты здесь живёшь? — спросил Евгений.

— Сейчас нет.

— С каких пор?

— С октября.

Он кивнул, будто получил обычный ответ на обычный вопрос.

— А где?

— У сестры.

— Мы расстались?

Лена долго смотрела на него.

— Я ушла, а ты не попытался меня остановить. Расставанием ты это тоже не назвал.

Евгений сел на край дивана. Перед глазами потемнело; пришлось подождать, пока комната перестанет качаться. Лена шагнула к нему, но он поднял ладонь.

— Всё нормально.

— Ты побледнел.

— Сейчас пройдёт.

Она принесла воду. Стакан был с тонкой синей полосой по краю; Евгений помнил, что таких было четыре. Сейчас на сушилке стояло два.

— Замок, — сказал он, сделав глоток. — Когда я его поставил?

— В августе. Сначала поменял обычный, через неделю установил этот.

— Зачем?

— Сказал, что кто-то заходил в квартиру.

— Кто?

— Если бы ты ответил, я бы запомнила.

Евгений посмотрел в коридор. Отсюда синяя точка на панели казалась глазом.

— У тебя был доступ?

— До октября. Потом ты его отключил.

— Как ты вошла вчера? И сегодня?

— Твоя мама дала мне свой код. Попросила проветрить квартиру и встретить тебя.

— Почему я отключил твой?

— Ты решил, что я взяла с твоего стола флешку.

Евгений уже открыл рот, чтобы спросить, брала ли она. Взгляд сам скользнул к её сумке у двери. Он остановился.

— Что я сделал?

— Потребовал показать сумку. Потом сам вытряхнул всё на стол.

— Нашёл?

— Нет. На следующий день флешка нашлась в кармане твоего дождевика.

Лена поставила стакан на стол. Вода качнулась и выплеснулась на деревянную поверхность.

— Ты не успел спросить, — сказала она. — Но я увидела, что ты собирался.

Евгений хотел возразить, но заметил, что всё ещё смотрит на её сумку у двери.

— Я правда этого не помню.

— Может быть. Только память исчезла, а привычка подозревать меня осталась. Поэтому я не знаю, как с тобой разговаривать.

— Прости, — сказал он.

Лена опустила взгляд на пролитую воду и вытерла её ладонью. Прощения не прозвучало. Евгений подождал, затем встал и прошёл к рабочей комнате.

Раньше это была маленькая спальня, в которую едва помещались стол, стеллаж и раскладное кресло. Он помнил стопки газет на полу, провода под ногами, кружки с засохшим кофе. Теперь комната выглядела почти пустой.

Камера ноутбука была заклеена чёрной изолентой. Ещё одна полоска закрывала микрофон сбоку. На книжной полке между сборником судебных очерков и старым атласом Петербурга зиял ровный промежуток шириной в ладонь. Пыль вокруг него лежала серым слоем, внутри остался чистый прямоугольник.

Над столом светлело большое прямоугольное пятно. По углам торчали четыре дюбеля; один был вырван вместе с кусочком штукатурки, от него по обоям тянулась косая царапина.

— Что здесь было?

Лена осталась в коридоре.

— Рабочая доска.

— Моя?

— Естественно, твоя.

— Что на ней?

— Фотографии. Карта области. Какие-то фамилии, даты. Ты снимал всё, когда я входила.

— И тебя это не насторожило?

— Меня всё настораживало, Жень. Я просто не знала, чего именно бояться.

Евгений коснулся ногтем надорванного края обоев.

— Когда ты видела её в последний раз?

— За неделю до аварии. Может, чуть раньше.

— А после?

— После я была здесь всего-то один раз. Вчера, когда твоя мама попросила проветрить. Доски уже не было.

— Папки на полке?

— Четыре серые. Ты не разрешал их трогать.

Четыре папки. Доска. Карта области.

Евгений поднял крышку ноутбука. Экран загорелся, показал его фотографию: он стоял на льду Финского залива, шурился от солнца. Снимок был старый, года три назад. В углу появилось поле для пароля.

Он ввёл тот, которым пользовался в мае.

Неверно.

Попробовал старый редакционный.

Неверно.

После второй попытки система на минуту заблокировала вход.

Лена прочитала сообщение через его плечо.

— Ты сменил пароль?

— Похоже.

Она посмотрела на него с усталой насмешкой.

— Последние месяцы ты видел угрозу во всём.

Евгений закрыл ноутбук. Чёрная изолента на камере была наклеена неровно, в два слоя. На краю остался отпечаток пальца, припорошенный пылью.

На нижней полке рядом с роутером лежал планшет. Сам планшет Евгений помнил, а приложение с чёрным значком в форме ключа — нет. Экран тускло ожил, показав четыре процента заряда. Отпечаток пальца всё ещё подходил.

— Это от замка?

Лена подошла ближе.

Приложение открылось без пароля. На схеме квартиры горела зелёная надпись: «Дверь закрыта». Ниже находился журнал действий. Евгений провёл пальцем по экрану. Даты уходили назад, имена повторялись: «Е.Б.», «Т.Б.», изредка «Е.М.».

— Е.Б. — я. Т.Б. — мама. Е.М. — ты.

— Всё верно.

Он листал дальше. Последняя запись с инициалами Лены относилась к началу октября.

В ночь аварии между его уходом и рассветом в журнале стояли три отметки.

Сначала — «открытие изнутри, 21:08».

Потом — «А.М., код принят, 03:17».

Через двадцать девять минут — ещё одно «открытие изнутри».

Евгений перечитал среднюю строку. В три часа семнадцать минут он лежал без сознания — либо ещё в разбитой машине, либо уже под руками врачей. Кто-то вошёл в его квартиру и провёл здесь почти полчаса.

Кто-то с инициалами человека, нашедшего его на дороге.

— А.М., — тихо сказала Лена.

Евгений погасил экран.

— Ты знаешь другого человека с такими инициалами?

— Нет. Но подписи к кодам задавал ты сам.

За стеной ребёнок снова нажал клавишу. На этот раз нота прозвучала чуть увереннее.

— Алексей не отвечает мне с больницы, — сказал Евгений.

Лена посмотрела на пустое место на стене, но ничего не сказала.

Детали складывались без усилия: Алексей первым оказался у разбитой машины, среди ночи вошёл в квартиру, после этого исчезли доска и папки, а теперь он избегал звонков.

— Ты раньше видела Алексея здесь?

— Да. В сентябре, наверное. Вы закрылись в этой комнате. Потом кричали.

— О чём?

— Когда я вошла, вы замолчали.

Евгений снова посмотрел на светлый прямоугольник над столом. Тот, прежний Евгений знал ответы. Он выбирал пароли, раздавал коды, заклеивал камеры, не доверял Лене и кричал на Алексея. Затем сел в машину, уехал за город и разбился.

Квартира принадлежала этому человеку.

— Тебе надо лечь, — сказала Лена.

— Через минуту.

Евгений снова сел за стол и выдвинул верхний ящик.

— Что ты делаешь?

— Проверяю, что ещё не забрали.

В первом ящике лежали ручки, скрепки и старые чеки. Во втором — зарядные провода, две батарейки и засохший маркер. Когда Евгений потянулся к нижнему, под рёбрами резануло болью.

Лена молча вынула ящик с направляющих, осмотрела заднюю стенку и поставила его на пол.

Ничего.

Он провёл ладонью по нижней стороне столешницы. У правого края пальцы зацепились за полосу чёрной изоляции — такой же, какой была заклеена камера ноутбука.

— Нашёл что-то? — спросила Лена.

Евгений поддел край ногтем. Изоляция отошла с сухим треском, и ему на ладонь лёг небольшой плоский ключ с квадратной головкой. Без брелока, номера или надписи.

Металл оставил на ладони холодный след. Лена заглянула через плечо Евгения.

— Знаешь, от чего он? — спросила она.

Евгений сжал ключ в кулаке.

— Нет.

И впервые это слово прозвучало не как признание в беспомощности.

Ключ не забыли под столом. Его приклеили там, где можно было достать, не вставая с рабочего кресла.

Старый Евгений оставил его себе.

Вернулся за ним другой человек.

Глава 3. Редакция

Лена ушла вечером, дождавшись, пока он поест и примет таблетки. Перед дверью задержалась, будто хотела что-то сказать, но только положила связку материнских ключей на обувницу.

— Закроешь изнутри?

— Конечно...

Чёрная панель пискнула за ней. Евгений проверил замок дважды и разозлился на себя после второго раза.

Ключ пролежал ночь на краю письменного стола.

Евгений несколько раз просыпался и видел его в полосе света из коридора: плоская головка, короткий стержень, два неровных зубца. Обычный ключ. От почтового ящика, шкафчика в раздевалке, старого навесного замка — от чего угодно, что не стоило бессонной ночи.

К утру он переложил ключ в карман джинсов и сразу перестал чувствовать себя спокойно. Металл касался бедра при каждом шаге, напоминая не о том, что удалось найти, а о пустом месте над столом.

Утром квартира пахла остывшим супом и лекарствами. За окном дождь съедал остатки ночного снега; по стеклу сползали мутные дорожки. Во дворе дворник толкал к водостоку серую кашу, но вода возвращала её под лопату.

На заряженном планшете ждали сообщения матери. Три вопроса о самочувствии, напоминание про таблетки и фотография расписания, которое она оставила на холодильнике. Последним пришло: «Напиши, как проснёшься».

Евгений написал: «Проснулся. Всё нормально».

Это было не совсем ложью. Ничего нового у него не болело.

Он открыл список контактов на планшете. Рабочая синхронизация сохранилась: фамилии, внутренние номера, старые адреса почты. Напротив редакции стояла фотография, сделанная, кажется, на новогоднем корпоративе. Шесть человек теснились перед объективом, кто-то поднял над головой картонную корону. Евгений был с краю и щурился от вспышки.

Марину он узнал. Выпускающий редактор, вечная кружка с облупленным жёлтым котом, красный карандаш даже возле компьютера. Остальных тоже знал, но с некоторыми именами приходилось медлить. За полгода в редакции могли появиться новые люди, уйти старые, смениться половина тем и весь график. И всё же это было единственное место, где его отсутствие должно было оставить не пустоту, а документы.

Редакционный пропуск нашёлся в переднем кармане старого рюкзака. Рюкзак стоял в шкафу под куртками, и Евгений помнил, как сам бросил его туда в мае после командировки в Выборг. На пластике была фотография пятилетней давности: короткая стрижка, внимательный взгляд, недовольство человеком за камерой. Под снимком значилось «корреспондент». Это слово успокоило его сильнее, чем больничная выписка. Там было написано не состояние, а занятие.

Он заказал такси с планшета. В графе назначения набрал адрес по памяти и только потом сверил его с карточкой редакции.

Совпало.

На лестнице пришлось остановиться между вторым и третьим этажами. Рёбра тянуло под повязкой, левое плечо быстро налилось тупой тяжестью. Евгений сделал вид, что рассматривает окно на площадке. За мутным стеклом мокла противоположная стена двора; на подоконнике лежали три окурка и дохлая муха, которую никто не убирал с лета.

Врач запретил работать.

Евгений решил, что поездка в редакцию работой не считается.

Такси ползло по Среднему проспекту, собирая все светофоры по пути. Ветер швырял дождь поперёк дороги. Люди у остановок стояли боком, прятали лица в воротники; один мужчина держал над головой сложенную газету, и с размокшего угла на его рукав стекала типографская краска.

На набережной машину качнуло порывом. В серой воде Невы не отражалось ничего, кроме рваного белого света. Евгений смотрел на знакомые фасады и пытался определить, где кончается память и начинается привычка. Он знал, какой переулок водитель выберет, чтобы объехать затор. Знал, что у Московского вокзала придётся перестроиться заранее. Знал, где на Лиговском асфальт просел возле рельсов.

Город по-прежнему помещался в голове целиком.

Последние полгода не помещались нигде.

Редакция занимала третий этаж старого доходного дома, переделанного под офисы. Внизу работали кофейня и магазин чехлов для телефонов. Кофейня была прежней, только на окнах появились бумажные снежинки. В витрине магазина вместо рядов яркого пластика стояли электронные сигареты.

Евгений расплатился через приложение и несколько секунд сидел, собираясь выйти. Водитель посмотрел на него в зеркало, потом на больничную повязку, заметную у воротника.

— Помочь?

— Нет, спасибо.

Отказ прозвучал быстрее, чем потребовалось открыть дверь.

В тамбуре редакции пахло мокрой одеждой и кофе. За стеклянной перегородкой сидел новый охранник — молодой, широкоплечий, в рубашке с тесным воротом. Прежний, Николай Петрович, обычно разгадывал сканворды и узнавал сотрудников по шагам. Этот поднял глаза только тогда, когда Евгений приложил пластиковый пропуск к считывателю.

Турникет коротко загудел. На экране загорелось красное: «Доступ запрещён».

Евгений приложил пропуск ещё раз.

— Не сработает, — сказал охранник. — Если красный, значит заблокирован.

— Я здесь работаю.

— Документ покажите.

Пришлось доставать паспорт. Охранник долго сравнивал фотографию с его лицом, задержался на заживших порезах.

— Белов Евгений Викторович, — прочитал он. — Подождите.

Он позвонил по внутреннему номеру и отвернулся, хотя говорил достаточно громко:

— Тут к вам мужчина. Говорит, сотрудник... Да, Белов... Понял.

Чужое «мужчина» задело: охранник не видел в нём сотрудника. Евгений убрал паспорт, прошёл к стене и сел на низкий диван. Из кофейни за перегородкой доносился стук кофемолки. Что-то нарушало тишину.. Он не сразу понял, что именно. Звук? Дрожь света? Нет, дрожит не свет, а отражение гирлянды в стекле.

За ним пришла Марина.

Она появилась на лестнице быстро, придерживая одной рукой очки. Волосы стали короче, чем на фотографии в планшете, и почти полностью поселили у висков. Кружки с котом при ней не было, зато красный карандаш торчал из пучка на затылке.

Увидев Евгения, Марина остановилась на последней ступеньке.

— Господи, Женька.

Он поднялся. Она шагнула к нему, раскрыла руки и тут же опустила их, заметив, как он держит плечо.

— Можно обнять справа, — сказал Евгений.

Марина обняла осторожно. От неё тянуло смесью дешёвых духов и сигарет, хотя бросила курить ещё два года назад. Или снова начала.

— Почему ты не предупредил?

— Телефон у полиции.

— Можно было написать.

— Я не знал, кому.

Она отстранилась и посмотрела ему в лицо. Радость в её глазах успела смениться настороженностью.

— Илья Сергеевич у себя. Он знает про аварию. Все знают. Алексей звонил в ту ночь.

— Сюда?

— Мне. Потом я уже позвонила остальным.

Охранник открыл боковую калитку. Марина расписалась за гостя и повела Евгения к лестнице.

— Лифт есть, — напомнил он.

Она глянула на его бок и без комментариев нажала кнопку.

В кабине помещались двое и стойка с коробками. На стене остались царапины от прежних переездов, в углу прилип чек из кофейни. Марина стояла близко, но не касалась его.

— Алексей сказал, что ты был без сознания, — проговорила она. — Потом Илья Сергеевич ездил в больницу, его не пустили. Твоя мама сказала, посещения пока не нужны.

— Правильно сказала.

— А теперь нужны?

— Не надо. Как видишь, я выписался...

С громким скрипом дверь лифта распахнулась.

Редакция встретила его гулом голосов, телефонными звонками и старым кондиционером, который зимой дул холоднее, чем летом. На ближайшем столе лежали раскрытые коробки с пищей; от застывшего сыра пахло чесноком. Два телевизора под потолком показывали один и тот же выпуск новостей без звука, но с разницей в несколько секунд.

Почти всё было на месте. Доска с планом номера, карта Петербурга в кнопках, шкаф с подшивками. Только между столами выросли серые перегородки, а на месте шкафа с фототехникой стоял кулер. Евгений машинально повернул к своему столу и остановился.

Там сидела незнакомая девушка в больших наушниках. На перегородке висели открытки, фотография корги и календарь на декабрь. Его настольная лампа сохранилась — зелёный металлический плафон с вмятиной, — но светила теперь на чужие руки.

Девушка заметила его и сняла наушники.

— Здравствуйте.

— Привет, — ответил Евгений.

Марина коснулась его локтя.

— Это Полина. Полин, это Женя Белов.

По лицу девушки пробежало узнавание. Она встала слишком резко и задела коленом стол.

— Я могу освободить... Мне сказали, вы не вернётесь до весны.

— Сиди, — сказал Евгений. — Я ненадолго.

Несколько человек уже смотрели в их сторону. Кирилл-фотограф поднялся из-за монитора, кивнул и снова сел. Раньше он обязательно отпустил бы шутку. У окна корректор Валя сделала вид, что ищет что-то в ящике. Молодой парень возле карты спросил у соседа шёпотом: «Это он?» — и получил локтем в бок.

Евгений прошёл между столами. Разговоры возобновились не сразу; оставшийся за спиной провал тишины двигался вместе с ним.

Кирилл всё-таки догнал его возле копировального шкафа. Камера висела у него на груди, объектив бился о пряжку ремня.

— Рад, что оклемался, — сказал он.

— Спасибо.

— Я серьёзно. Мы думали... В общем, хорошо, что пришёл.

Кирилл говорил быстро и смотрел на синяк у виска. Потом сунул руки в карманы и качнулся с пятки на носок.

Евгений взглянул на Кирилла и пристально посмотрел ему в глаза.

— Вижу, ты ещё что-то хочешь сказать?

Кирилл оглянулся на Марину.

— Эм... В прошлом месяце ты запретил звонить тебе и сказал, что сам выйдешь на связь. Не вышел. Я решил, запрет всё ещё действует.

— Мы вместе над чем-то работали?

— Ты не говорил. Просил машину на вечер, потом передумал.

— Я объяснил, зачем?

— Нет. Сказал, что ошибся и не должен был меня втягивать.

— И это был весь разговор?

— Почти. На прощание ты попросил забыть, что мы вообще говорили.

— И ты забыл?

Кирилл криво усмехнулся.

— До аварии — да.

Марина позвала Евгения. Кирилл отступил с заметным облегчением, будто наконец вернул вещь, которую слишком долго держал у себя.

— Я перед тем, как перестал сюда приходить, с кем-нибудь поссорился? — спросил он у Марины.

— А ты как думаешь?

— Я ничего не думаю. Я спрашиваю.

Она поправила очки.

— Ты не разговаривал нормально ни с кем. Это не совсем то же самое, что поссориться.

— С тобой?

— Со мной ты разговаривал. Когда тебе нужно было втиснуть материал в номер вне плана.

В её голосе не было обиды. От этого ответ прозвучал хуже.

Кабинет главного редактора отделяла прозрачная стена, наполовину заклеенная старыми обложками. Илья Сергеевич сидел за столом, держа телефон возле уха, и смотрел прямо на Евгения. Он постарел меньше всех: всё тот же широкий лоб, короткая борода, синяя рубашка с закатанными рукавами. Только на столе вместо пепельницы стояла банка леденцов.

Он закончил разговор и открыл дверь.

— Заходи.

Марина осталась снаружи.

Илья Сергеевич обошёл стол, пожал Евгению правую руку и усадил его в кресло для посетителей. Сам не сел сразу — достал из шкафа чистый стакан и наполовину наполнил его водой из графина.

— Выглядишь паршиво.

— Девять дней назад было хуже.

— Верю. Врачи отпустили?

— Вчера уже отпустили.

— Я спросил не про больницу.

Евгений промолчал. Илья Сергеевич поставил стакан перед ним и наконец сел.

— Что тебе нужно?

— Понять, над чем я работал последние полгода.

Илья Сергеевич медленно откинулся на спинку. За стеклом Марина остановилась у своего стола и посмотрела в кабинет, затем опустила голову к рукописи.

— Ты приехал за этим из больницы?

— Из дома.

— Огромная разница.

— Дома была рабочая доска. Карта, фотографии, четыре папки. После аварии всё исчезло.

— Неужели всё?

— Да.

Илья Сергеевич потянулся к банке с леденцами, покрутил крышку, но открывать не стал.

— В полиции был?

— Они забрали вещи из машины. Про квартиру пока не говорил.

— Почему?

Евгений нащупал ключ через ткань кармана.

— Потому что не знаю, что пропало. И было ли оно моим.

— Сильное начало для заявления.

— Поэтому я здесь.

Илья Сергеевич смотрел на него дольше, чем требовал ответ. Потом развернул монитор и что-то быстро набрал.

— Полгода назад ты пришёл ко мне за десять минут до планёрки. Положил заявление на неоплачиваемый отпуск и сказал, что берёшься за материал, который редакция не потянет.

— Так и сказал?

— Нет. Ты сказал: «Если я притащу это под нашу крышу, нас закопают». Я запомнил.

Евгений отпил воды. От холодного свело зубы.

— Я назвал тему?

— Нет.

— Хотя бы направление? Бизнес, чиновники, медицина?

— Ты сказал: «Сначала проверю сам». И попросил не задавать вопросов до твоего возвращения.

— И ты меня отпустил?

— Ты взрослый человек, Женя. И заявление было написано так, что запретить я мог только одним способом — уволить тебя. Не захотел.

В кабинете щёлкнуло реле обогревателя. За стеклом кто-то засмеялся, слишком громко, и смех сразу оборвался.

— Когда отпуск должен был закончиться?

— Третьего декабря. В понедельник.

До понедельника оставалось пять дней.

— Я выходил на связь?

— Пару раз. Просил проверить фамилию, найти старую подшивку, дать контакт судебного репортёра. Потом перестал отвечать даже Марине. В сентябре приехал ночью за коробкой архивных дисков. Охрана утром нашла дверь в серверную открытой.

— Я что-то украл?

— Не знаю. Опись сошлась. Но после этого твой пропуск заблокировали. Я звонил — ты сказал, что больше сюда не придёшь, пока всё не закончится.

Евгений вспомнил красную надпись на турникете. Не техническая ошибка. Его не забыли внести в систему; его оттуда убрали.

— Рабочий компьютер остался здесь?

— Конечно, остался, но ты его в ноль почистил где-то в июне. Сева подтвердил полное удаление, потом поставил систему заново. Компьютер отдали Полине.

За стеклом незнакомая девушка сидела под его лампой и печатала, не глядя в сторону кабинета.

— Серверные копии?

— Так вот ради чего ты приехал...

— Ради этого.

Илья Сергеевич снял очки и прижал пальцами переносицу. Несколько секунд он молчал. За стеклом кто-то подкатил кресло к соседнему столу; колёсики сухо простучали по стыкам ламината.

— Нет.

Евгений сначала решил, что ослышался.

— Что — нет?

— Доступа не будет. Ты всё ещё в отпуске, пропуск заблокирован, полиция, скорее всего, уже занимается аварией, а я не знаю, что ты здесь ищешь. В прошлый раз после тебя осталась открытая серверная.

— Я журналист этой редакции.

— Пока да.

— Тогда дай мне посмотреть мои материалы.

— А если они не только твои? Если там источник, которому ты обещал защиту? Если ты поедешь к нему сегодня, едва выйдя из больницы и не понимая, что оставил в этих файлах?

Евгений почувствовал, как знакомое раздражение поднимается прежде мысли. Хотелось наклониться через стол и спросить, с каких пор главный редактор защищает его источники от него самого. Формулировка возникла сразу — короткая, точная, ударная. Наверное, прежний Евгений часто пользовался такими.

Он разжал пальцы на краю кресла.

— Я не собираюсь ехать к источнику. И состояние у меня стабильное.

— Ты понятия не имеешь, что собираешься делать. В этом и проблема.

Илья Сергеевич ждал. Не подгонял, не отводил взгляда. От этого молчание становилось теснее кабинета.

Сказать вслух оказалось труднее, чем врачу или Лене. Они видели его в палате, с трубками, перевязками, провалами посреди фразы. Здесь он сидел в своей одежде, в знакомом кабинете, напротив человека, с которым годами спорил о заголовках и сроках. Здесь признание превращало его не в пациента, а в журналиста, которому нельзя доверить собственные записи.

— Я помню всё до конца мая, — сказал Евгений. — Дальше ничего. Шесть месяцев выпали из головы. Врач считает, что это последствие аварии, но граница слишком ровная. В квартире стоят замки, которых я не помню. На компьютере другой пароль. Ночью после аварии туда вошёл Алексей Миронов, а потом исчезли материалы. Я не знаю, что расследовал. Не знаю, кому обещал защиту.

Илья Сергеевич не ответил сразу.

— Ты действительно не помнишь?

— Да, полгода. Целиком.

— Врачи это подтвердили?

— В выписке есть диагноз. Обещать, что память вернётся, никто не стал.

Илья Сергеевич поднялся и прошёл к стеклянной стене. Остановился спиной к Евгению, глядя на редакцию. Марина перелистывала рукопись, но слишком медленно; было ясно, что она следит за кабинетом по отражению.

— Алексей вошёл в квартиру? — спросил он, не оборачиваясь.

— В журнале замка его код.

— Он тебе об этом сказал?

— Он со мной не разговаривает.

Илья Сергеевич повернулся. Взгляд скользнул по руке Евгения, лежащей на кармане.
— Ты ещё что-то нашёл в квартире?

Евгений убрал руку.

— Ничего, что я могу объяснить.

— Удобный ответ.

— Другого нет.

Илья Сергеевич вернулся к столу, но не сел. Взялся за спинку кресла и слегка качнул его, будто проверял, прочно ли оно стоит.

— Значит, я должен поверить, что ты полгода вёл тайное расследование, сам вычистил рабочий компьютер, попал в аварию, забыл ровно эти полгода, а потом кто-то успел убрать материалы из твоей квартиры.

— Да.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Как бред.

— Как бред, с которым особенно опасно пускать тебя к чужим данным.

Евгений ничего не ответил. Илья Сергеевич постучал большим пальцем по спинке кресла — один раз, второй, третий — и остановился.

— Если я сейчас скажу «нет», что ты сделаешь?

— Уйду.

— Домой?

Евгений задержался с ответом.

— Нет.

— Вот и я так думаю.

Илья Сергеевич сел. На этот раз медленно, словно решение прибавило ему возраста.

— Это не значит, что я передумал, — сказал он. — Я тебе сейчас не доверяю. И ты, судя по всему, себе тоже. Но если я выставлю тебя за дверь, ты полезешь дальше один. Поэтому я выбираю не между «дать доступ» и «не дать». Я выбираю место, где ты успеешь натворить меньше.

Он развернул к себе клавиатуру.

— Один час. В присутствии Марины или Севы. А лучше в присутствии обоих. Ничего не копируешь без моего разрешения, ни с кем не связываешься от имени редакции и не произносишь фразу «мой главный редактор в курсе». Потому что я не в курсе.

— Хорошо.

— И ещё. Если ты снова полезешь в это дело, редакция тебя не прикроет. Ни юристами, ни удостоверением, ни моей фамилией. Пока не объяснишь, что происходит.

Получалось, он добился доступа и одновременно лишился единственного безопасного места, к которому мог привязать расследование.

— Понял.

— Не торопись соглашаться.

— Я понял, Илья Сергеевич.

Тот вздохнул, взял телефон и вызвал Севу.

Системный администратор пришёл с чашкой в руке. Евгений помнил его худым студентом в толстовке; теперь у Севы появилась борода и серебряное кольцо на большом пальце. Он не стал расспрашивать об аварии, только поставил чашку на подоконник и открыл на гостевом компьютере архив учётных записей.

— Локального профиля нет, — сказал он. — Ты его снёс сам. Вот акт переустановки. Четвёртое июня.

— А почта?

— Корпоративная очищена. Перед отпуском ты выгрузил служебное, потом удалил личные папки и корзину.

— Резервная копия?

— Хранится девяносто дней. Прошло почти полгода.

Сева говорил спокойно, без сочувствия. Наверное, привык сообщать людям о потерянных файлах.

Евгений сидел за свободным столом у окна. Отсюда был виден двор: крыши припаркованных машин, вентиляционные трубы, чёрная пожарная лестница. Дождь стучал по внешнему блоку кондиционера. Марина принесла ему стул с высокой спинкой и положила рядом жёлтый блокнот.

— Ты всегда записывал на бумаге, когда искал в архивах, — сказала она.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени.

Она осталась стоять за его плечом.

Сева открыл редакционную систему. Старые материалы Евгения появились списком: городские закупки, незаконная реконструкция дома на Петроградской, серия о закрытии районных котельных. Последняя опубликованная статья датировалась двадцать девятым мая. После неё шли две служебные заметки, затем пустота.

— Фильтр по неопубликованным, — попросил Евгений.

Сева выбрал нужный пункт. На экране осталось одиннадцать карточек. Десять были знакомы: наброски, отложенные темы, интервью, которое собеседник потом отозвал. Одиннадцатая называлась «Без названия».

— Открой.

Карточка оказалась пустой. Создана второго июня, автор — Е. Белов. Ни текста, ни вложений, ни редакторских пометок.

— История версий?

Сева щёлкнул по вкладке.

— Тоже пусто. Но активность есть. Последнее изменение — девятнадцатого ноября, двадцать сорок одна.

Вечер аварии.

Евгений записал время в блокнот. Цифры получились неровными: рука плохо слушалась после капельниц или он слишком сильно давил на ручку.

— Откуда был вход?

— Внешнее подключение. Не из редакции. Адрес динамический, провайдер городской. Точнее не скажу.

В двадцать сорок одну он работал с карточкой из дома или с чужого ноутбука. В двадцать один ноль восемь замок зафиксировал открытие двери изнутри. Двадцать семь минут между последним изменением и выходом.

Он посмотрел на пустое поле карточки.

— Если я всё удалил, почему она осталась?

— Может, забыл. Может, удалял содержимое, а не карточку. Может, хотел оставить метку. Я не психоаналитик, Жень.

— Можно увидеть, что я делал в системе четвёртого июня?

Сева открыл журнал. В тот день Евгений создал пустую карточку, выгрузил служебные файлы и оформил отпуск. Записей о печати там не было.

— Принтер хранит историю?

— За месяц. Потом перезаписывает.

Евгений откинулся на спинку. Движение отозвалось под рёбрами, пришлось прижать локоть к боку и переждать. Марина молча придвинула стакан воды.

— Бухгалтерия считает бумагу по отделам, — сказала она. — Раньше присылали таблицу каждый месяц. С именами заданий.

Сева посмотрел на неё с неудовольствием человека, которому только что добавили работу.

— Если Лариса не чистила общую папку.

Он свернул редакционную систему, открыл служебный архив и несколько минут перебирал каталоги. Июнь нашёлся внутри папки «Расходники», между актом на замену картриджа и фотографией сломанного лотка. В таблице стояли имена сотрудников, время, число страниц и названия документов.

Четвёртого июня Евгений отправил на печать три файла. Два назывались понятно: заявление и список незакрытых материалов. Третий — «R47_04-06.pdf».

— Это ещё сохранилось?

— Сам файл — нет. Только имя задания, время и количество страниц. Одна страница, шестнадцать двенадцать.

Евгений переписал название по буквам.

— «R» — это что? — спросила Марина. — Receipt? Квитанция?

— Или route, — сказал Сева. — Маршрут сорок семь.

— Номер дела, — предположила Марина. — Комнаты. Источника.

Они посмотрели на Евгения.

— Если бы я знал, зачем бы приехал?

Сева ввёл название в поиск. На экране появились расписание автобуса, инструкция к промышленному реле и несколько чужих документов с похожими номерами. Точное совпадение не нашлось.

— «04-06» — это дата? — спросила Марина.

— Файл напечатан четвёртого июня, — ответил Сева. — Либо дата, либо человек очень любит повторяться.

— А сорок семь?

— Сорок семь, — сказал Евгений.

Число не отзывалось ничем. Ни адресом, ни возрастом, ни знакомым номером. Он обвёл его в блокноте и перевернул страницу.

Марина проследила за движением его руки.

— Ты всё равно что-то недоговариваешь.

— Недоговариваю, потому что сам вижу только половину.

— Раньше ты отвечал почти так же.

Евгений поднял глаза.

— Почти?

— Раньше ты говорил: «Не лезь, пока тебя по-хорошему просят».

— Часто?

— Достаточно, чтобы я перестала спрашивать.

Евгений записал фразу под непонятным именем файла. Похоже, прежний он превратил её в правило, которым отгораживался от людей.

На экране оставалась пустая карточка. «Без названия» было её служебным именем, присвоенным при создании. Сева собирался закрыть окно, когда Евгений заметил в журнале отдельную строку: «Поле заголовка изменено».

— Подожди. Какого заголовка?

— Публичного. Он хранится отдельно от служебного имени. Сейчас.

Сева открыл техническую панель. Второго июня поле оставалось пустым. Девятнадцатого ноября, в двадцать сорок одну, в нём появилось значение.

Сева развернул строку.

Там были два слова.

Чистый лист.

— Ну хоть заголовок честный, — сказал Сева. — Чище некуда.

Марина коротко рассмеялась. Евгений тоже усмехнулся, но взгляда от экрана не отвёл.

Под заголовком не было ни строки. Только дата последнего изменения и его имя.

В дверях появился Илья Сергеевич и постучал пальцем по часам.

— Договор был на час.

Сева закрыл служебные окна и вышел из учётной записи. Пустая карточка исчезла вместе с заголовком. Марина спросила, вызвать ли Евгению такси, но он отказался: после долгого сидения под рёбрами снова тянуло, и спустаться сразу не хотелось.

В коридоре возле лифта стояла деревянная скамья. Евгений сел, вытянул левую ногу и достал планшет. Устройство само подключилось к редакционной сети.

Он снова набрал «R47_04-06». Ничего полезного. Убрал дефис, переставил цифры, добавил «Петербург» — те же автобусы, реле и страницы технических каталогов.

Из редакции вышла Марина. В руке кружка жёлтого цвета с изображением кота. Затем аккуратно прислонилась плечом к стене.

— Я думала, ты уже ушёл.

— Ещё нет.

Она отпила кофе и кивнула на планшет.

— Такси вызвать?

— Сам вызову.

— Это ты уже говорил.

Евгений закрыл поиск.

— Ладно, — сказал он. — Вызывай.

К тому времени, когда он вышел из редакции, Петербург уже темнел. Дождь стал мельче, но ветер гнал его вдоль улицы, забрасывая под козырьки и в арки. Мокрый асфальт держал в себе витрины, фары и красные сигналы светофоров; машины проезжали по этим отражениям, ломая их колёсами.

В такси Евгений сел справа и всю дорогу смотрел в окно. За стеклом проплывали серые фасады, остановки с нахохлившимися людьми, чёрная вода канала. Город был знаком до мелочей и всё же казался декорацией, из которой кто-то убрал последние полгода его жизни.

Возле дома дождь почти прекратился. Во дворе пахло мокрым кирпичом и талым снегом. Свет горел только в нескольких окнах; остальные темнели одно над другим.

В квартире было тихо. Евгений снял куртку, положил ключ на кухонный стол и принял обезболивающее, запив его остывшей кипячёной водой. Только после этого включил планшет.

На экране ждало новое сообщение. Над строкой стояло знакомое имя: «Дядя Саша».

«Жень, скинул тебе на почту контакты страховой и сотрудника, который занимается твоим случаем. Завтра заеду. С телефоном тоже решим. Дай знать, что получил».

Евгений перечитал сообщение дважды. В нём не было ни одного вопроса — только список уже решённых за него проблем. Станным образом это успокаивало.

Он открыл почту.

Вверху было письмо Павлова с темой «Страховая и контакты». Евгений уже собирался открыть его, когда взгляд зацепился за знакомое сочетание в одной из строк. Письмо пришло, когда он лежал в больнице, и затерялось между рекламой доставки и уведомлением банка.

«Северное хранение. Бокс R-47: продление аренды».

Евгений выпрямился. Боль под рёбрами отозвалась коротким уколом.

Письмо было автоматическим и безличным. Оплаченный срок аренды подходил к концу; клиенту предлагали продлить договор в личном кабинете или освободить индивидуальный

бокс R-47. Ниже стояли номер договора, схема проезда и адрес на набережной Обводного канала.

К письму была приложена копия договора.

«R47_04-06.pdf».

Евгений положил планшет рядом с ключом. На экране светился адрес, на столе тускло блестела квадратная металлическая головка.

Теперь у ключа был адрес.

Глава 4. Дядя Саша

Утром адрес не изменился.

Евгений проверил его ещё до того, как встал из-за стола, словно за ночь набережная Обводного канала могла исчезнуть из письма вместе с боксом R-47 и приложенным договором. Планшет медленно загрузил страницу. Те же строки, тот же номер, та же безликая просьба продлить аренду.

Ключ лежал рядом.

Теперь эти две вещи объясняли друг друга, но больше ничего не объясняли. В договоре значилось имя, которое Евгений видел впервые. Адрес клиента совпадал не с квартирой на Четырнадцатой линии, а с абонентским ящиком. Оплата проходила за полгода вперёд. Подпись внизу напоминала его собственную — тот же длинный первый штрих, тот же завал вправо, — только фамилия была чужой.

Он увеличил изображение. Буквы рассыпались на серые квадраты.

Старый Евгений снял бокс под чужим именем, завёл для него отдельный адрес и оставил ключ под столом. Потом успел очистить рабочий компьютер, снять доску со стены и куда-то вывезти папки. Если всё это было способом защитить материалы, он неплохо справился: новый Евгений уже второй день ходил вокруг собственного тайника и не знал, что именно прятал.

На столе завибрировал планшет.

«Буду примерно через час. Тебе что-нибудь купить?»

Павлов.

Евгений посмотрел на часы. До этого ему казалось, что уже почти полдень; оказалось, не было и десяти. Ночь без сна растянула утро.

Он написал: «Ничего не надо».

Ответ пришёл сразу:

«Я всё равно куплю».

Евгений усмехнулся и положил планшет экраном вниз.

Можно было дожидаться Павлова, получить телефон, а потом поехать на Обводный. Можно было вызвать такси с планшета прямо сейчас и оставить дяде Саше сообщение на двери. Можно было хотя бы позвонить на склад и спросить, что требуется для доступа к боксу.

Вместо этого Евгений пошёл в ванную.

Левая рука всё ещё плохо поднималась. Чтобы стянуть футболку, пришлось прижаться плечом к стене и вытаскивать здоровую руку первой. На середине движения рёбра свело болью; он замер с тканью на лице и несколько секунд дышал в темноте собственного ворота.

В зеркале над раковиной отражался человек, которого выписали слишком рано. Синяк на скуле пожелтел по краям, над бровью темнела корка, щетина легла неровными пятнами. Евгений провёл ладонью по подбородку и решил, что бритьё сегодня не относится к жизненно необходимым процедурам.

Он умылся, натянул чистую футболку, осторожно продевая левую руку в рукав, и вернулся на кухню.

Таблетки он принял после двух ложек вчерашнего супа. Есть не хотелось, но пустой желудок уже однажды объяснил ему, что думает о назначенном обезболивающем.

Пока грелась вода для чая, Евгений открыл кухонный ящик и положил ключ между мотком бечёвки и коробкой перегоревших лампочек. Закрыв. Тут же выдвинул снова.

Если ночью в квартиру уже входил человек с кодом, оставлять ключ в первом попавшемся ящике было глупо.

Он завернул его в бумажную салфетку и сунул в маленький карман рюкзака, где раньше носил запасную карту памяти. Молния закрылась с сухим треском.

Только после этого Евгений понял, что прячет ключ от Павлова.

Мысль была неприятной и, главное, несправедливой. Дядя Саша нашёл для него врачей, занимался полицией, каждый день звонил матери. Через час он привезёт новый телефон, потому что Евгений сам до сих пор не решил эту простую задачу. Прятать от него что-либо было похоже на мелкое предательство.

И всё же рассказывать о боксе Евгений не хотел.

Слишком многое за последние дни уже объясняли за него другие: врач — что случилось с памятью, Лена — каким он стал, Марина — как разговаривал с людьми, Илья Сергеевич — чем рисковала редакция. Адрес на Обводном был первой вещью, до которой он добрался сам. Пока он никому её не отдаст.

Домофон зазвонил, когда чайник начал щёлкать перед кипением.

Павлов поднялся через несколько минут. В одной руке он держал бумажный пакет, в другой — плоскую коробку и синюю папку с резинкой. Пальто блестело от мелкого дождя.

— Я же сказал, ничего не надо, — произнёс Евгений.

Павлов посмотрел на бумажный пакет.

— Знаю. Тут сырники.

Он прошёл на кухню, поставил вещи на стол и снял пальто.

— Ты хоть чай сделал?

— Собирался.

Павлов бросил в кружки по пакетику чая и залил кипятком. Потом выставил из пакета два творожных кольца, контейнер с сырниками и маленькую банку сметаны.

— Садись, — сказал он.

— Я и так дома.

— Тогда можешь не садиться.

Евгений всё-таки сел. Павлов придвинул ему контейнер и только после этого устроился напротив.

— Спал?

— Часа два. Наверное.

— Голова болит?

— Терпимо.

— Таблетки пил?

— Да.

— А ел?

Евгений показал на тарелку с двумя ложками недоеденного супа.

— Уже вижу.

Павлов снял очки, протёр их краем рубашки.

— Таня хочет, чтобы кто-нибудь пожил у тебя несколько дней.

— Нет.

— Я так ей и сказал.

Евгений посмотрел на него внимательнее.

— И она согласилась?

— Конечно нет.

Павлов надел очки и открыл контейнер.

— Вчера что делал?

— Ездил в редакцию.

Рука Павлова замерла над сырниками.

— Жень, тебя недавно выписали.

— Я помню.

— Хоть не зря съездил?

— Не совсем зря.

Павлов подождал, но Евгений не продолжил.

— Ладно, — сказал он. — Потом расскажешь.

Он придвинул плоскую коробку.

— Это тебе.

На крышке был изображён телефон.

— Саш, я мог купить сам.

— Мог. Но тебе сейчас и без этого есть чем заниматься.

— Деньги верну.

— Потом.

Евгений снял прозрачную наклейку, поднял крышку и положил телефон рядом с коробкой.

Павлов уже доставал из синей папки бумаги. Евгений провёл пальцем по гладкому экрану, увидел в нём собственное отражение и положил телефон обратно.

В папке лежали копия больничной выписки, справка об эвакуации машины, несколько листов из страховой компании и распечатка с контактами. Бумаги были разложены по прозрачным файлам. На каждом цветной наклейкой отмечалось, что нужно подписать, что оставить себе и куда позвонить.

— Наклейки? — спросил Евгений.

— Иначе ты половину подпишешь не там, вторую потеряешь.

На одном из листов стояла фамилия Алексея. «Миронов А. В.» значился человеком, сообщившим о происшествии. Ниже шёл номер телефона, тот самый, который Евгений помнил наизусть.

— Он давал показания?

Павлов взглянул на лист.

— Здесь только указано, что он сообщил об аварии и вызвал скорую.

— Откуда он увидел машину?

— Этого здесь нет.

Евгений снова посмотрел на фамилию.

— Почему он позвонил тебе?

— Нашёл мой номер в твоём телефоне. Экран был разбит, но вызовы проходили.

— А теперь избегает меня.

— Значит, есть причина.

— Какая?

— Спросишь у него. Я за Алексея придумывать не буду.

Ответ не оправдывал его и не обвинял. От этого фамилия на бумаге выглядела ещё темнее.

— Следовательно с ним связывался?

— Сказал, что свяжется.

— И?

— И мне не докладывают, о чём они говорили.

Павлов подвинул папку ближе к Евгению.

— Забирай. Сначала восстановим номер. Остальное потом.

До салона связи было меньше десяти минут на машине. Павлов всё равно подъехал к самой арке и не позволил Евгению идти до проспекта пешком.

Дождь за ночь смыл почти весь снег. Во дворе остались только серые островки у стен и рыхлая полоса вдоль водостока. Из булочной напротив вынесли меловую доску; ветер сразу развернул её поперёк тротуара. Молодой продавец в фартуке ругнулся и придержал доску ногой.

В машине было жарко. Евгений расстегнул куртку, но Павлов уже прибавил обогрев сиденья.

— Убавь, пожалуйста, — сказал Евгений.

— Тебя вчера знобило.

— Сейчас не знобит.

Павлов выключил обогрев сиденья.

Они выехали на Средний проспект. Мокрые рельсы блестели между машинами, трамвай медленно проталкивался через перекрёсток. Когда перед ними резко перестроился фургон, Евгений упёрся правой ладонью в дверь раньше, чем успел понять, что делает.

Павлов плавно нажал на тормоз.

— Всё нормально?

— Да.

Он не ответил, только отпустил фургон вперёд и увеличил дистанцию.

— Если затошнит, скажи сразу.

— Скажу.

За окном проплывали мокрые фасады, аптечные кресты и люди под зонтами. На углу женщина пыталась закрыть вывернувшийся купол; спицы цеплялись за шарф.

Салон связи занимал первый этаж нового дома, втиснутого между двумя старыми. Внутри пахло пластиком и сладким освежителем воздуха. У входа стояли макеты телефонов на белых проводах; каждый экран показывал одно и то же солнечное побережье.

Сотрудник за стойкой попросил паспорт и назвал условия замены SIM-карты. Евгений слушал, но смысл распадался на отдельные слова. Под ярким светом сильнее заболела голова, в виске начало пульсировать.

— Здесь подпись, — сказал сотрудник.

Евгений взял ручку. Левой рукой придержать лист не получилось; Павлов прижал угол двумя пальцами.

Подпись вышла неровной.

— Ещё здесь.

Пока сотрудник возился с паспортом и старым номером, Павлов распаковал телефон и снял с экрана защитную плёнку.

— Дай, я сам, — сказал Евгений.

Павлов посмотрел на его левую руку и всё-таки вставил карту.

— Симку поставлю и отдам.

— Саш...

— Всё, уже.

Телефон включился. Павлов прошёл несколько первых экранов, подключился к сети салона и передал аппарат Евгению, когда система запросила пароль от учётной записи.

Пароль подошёл старый, майский.

На экране появилась надпись о восстановлении данных. Евгений подтвердил. Полоса загрузки медленно поползла вправо.

— Контакты вернутся? — спросил он.

— Должны. Если была резервная копия.

Павлов убрал упаковку в коробку.

Полоса дошла до трети и замерла. Павлов закрыл коробку и подвинул её ближе к Евгению.

На экране появилось предложение настроить экстренный вызов.

— Это не пропускай, — сказал Павлов. — Дай, добавлю себя и Таню.

Евгений отдал ему телефон. Сотрудник тем временем развернул к нему планшет с заявлением.

— Проверьте данные и подтвердите внизу.

Строки под ярким светом расплывались. Евгений несколько раз перечитал номер паспорта, поставил галочку и расписался пальцем. Планшет не принял подпись с первого раза; пришлось стереть и повторить.

Когда он закончил, Павлов уже положил телефон на коробку. Экран снова показывал полосу восстановления.

— Готово. Если что, пять раз нажимаешь боковую кнопку.

— Надеюсь, проверять не придётся.

— Я тоже.

Сотрудник вернул паспорт. Почти сразу новый телефон коротко завибрировал. Пришло сообщение об активации номера, следом — банковское уведомление и две рекламы. Потом на экране один за другим начали появляться контакты.

Мама.

Лена.

Марина.

Алексей Миронов.

Дядя Саша.

Павлов достал собственный телефон и набрал номер Евгения. Новый аппарат заиграл стандартной мелодией.

— Работает, — сказал он.

— Удивительно.

— Запиши где-нибудь дату. Такие события нельзя терять.

Евгений сбросил вызов. В журнале осталась первая запись: «Дядя Саша».

На улице дождь стал мельче, но ветер усилился. Павлов придержал стеклянную дверь, пропуская Евгения вперёд.

— Вечером поедem ко мне, — сказал Павлов. — Таня тоже будет.

— Вы уже решили?

— Да. Извини. Если не хочешь — скажи.

Евгений посмотрел на него.

— Хочу. Во сколько?

— В семь. Я заеду.

Обратно Павлов довёз его до самой арки.

— Подняться с тобой?

— Нет, дойду.

— Уверен?

— Да.

Павлов не стал спорить.

— Телефон держи при себе. Если станет хуже, звони мне. Таня сначала испугается, потом всё равно позвонит мне. Сэкономим один звонок.

— Хорошо.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Павлов дождался, пока Евгений войдёт под арку, и только потом отъехал.

К третьему этажу Евгений понял, что отказ от помощи был ошибкой. Сердце билось слишком быстро, под повязкой намокла спина. Он остановился у окна и ждал, пока по лестнице спустится соседка с таксой. Собака обнюхала больничный пакет, чихнула и позволила увести себя вниз.

Евгений успел закрыть за собой дверь и только тогда опустил на обувницу в прихожей. Новый телефон он положил на тумбочку. Аппарат продолжал восстанавливать данные;

экран загорался каждые несколько секунд, возвращая имена, приложения и старые настройки — внешнюю оболочку жизни, которой Евгений не помнил.

Рюкзак лежал там, где он его оставил.

Евгений достал ключ и положил на ладонь. Металл успел нагреться от ткани. Можно было заказать такси, доехать до Обводного и закончить хотя бы с одной неизвестностью. Адрес сохранён. Номер договора есть. Ключ тоже.

Он поднялся и сразу сел обратно.

Тошнота пришла короткой волной. Перед глазами поплыли тёмные точки. Евгений наклонился, упёр локоть в колено и ждал, пока пол в прихожей перестанет медленно крениться.

Телефон завибрировал на тумбочке.

Сообщение от матери:

«Саша сказал, ужин в семь. Тебе помочь собраться?»

Евгений написал: «Нет».

Подумал и добавил: «Отдохну до вечера».

Ключ пришлось вернуть в рюкзак.

Он поставил будильник на половину шестого, принял таблетку и лёг поверх покрывала. В комнате было холоднее, чем на кухне. За зелёными шторами шумел дождь, по подоконнику время от времени ударялась вода из прохудившегося желоба.

Евгений закрыл глаза.

Последней мыслью перед сном оказался не бокс и не Алексей. Он пытался вспомнить, когда в последний раз ужинал у Павлова.

Память послушно вернула Новый год четырёхлетней давности. Мать резала торт, Павлов спорил с телевизором, а Лена смеялась, устроившись на подлокотнике. Шампанское он открыл раньше времени; пробка ударила в карниз, и Татьяна заставила его искать в складках шторы кусок осыпавшейся штукатурки.

После полуночи Павлов принёс из шкафа старую коробку с фотографиями. Лена нашла снимок, на котором пятилетний Евгений сидел посреди кухни с эмалированным тазом на голове, и минут десять не могла успокоиться. Мать уверяла, что таз он надел сам. Павлов клялся, что это была идея Виктора.

Так отец незаметно вернулся за стол. Вспомнили ёлку, которую он трижды выставлял по отвесу и всё равно поставил криво, сломанный приёмник, оживший после удара ладонью, и его привычку уносить отвёртки по карманам. Павлов рассказывал, Татьяна поправляла, а Евгений уже не понимал, что помнит сам, а что много раз слышал от них.

Под конец Павлов сунул ему последний мандарин и сказал: «Забирай, Евгешка, мне нельзя». Хотя через минуту доел половину Ленинского торта.

За окнами над крышами рвались салюты. Отец не сидел с ними, но в тот вечер его отсутствие не казалось пустым местом.

Будильник вырвал его из сна тяжёлого и пустого.

Вечером Петербург стянуло ранней темнотой. Дождь прекратился, но на тротуарах блестяла тонкая вода, в которой дробились окна и фонари. Павлов приехал без опоздания. На заднем сиденье лежала синяя папка; Евгений взял её с собой.

Они пересекли Тучков мост. Внизу Малую Неву рябил ветер, по чёрной воде тянулись жёлтые полосы от набережной. Павлов вёл медленнее обычного. Евгений заметил это, но благодарить не стал.

— Мама уже там? — спросил Евгений.

— Да. Минут двадцать.

— Значит, успела переставить у тебя половину кухни.

— Пока только спасает картошку.

Павлов жил на Петроградской стороне в доме с высоким первым этажом и двумя каменными львами у входа. Одному льву несколько лет назад отбили нос; новый кусок камня отличался цветом и делал морду слегка удивлённой.

Код парадной Евгений вспомнил раньше, чем Павлов достал ключ. На площадке четвёртого этажа пахло пылью и чужим ужином. Дверь открыла мать.

— Господи, Женя, ты почему без шапки? Замёрз?

— Здравствуй, мам. Она в кармане.

— Конечно, в кармане. А надеть?

Татьяна провела ладонью по его волосам, потом прижала пальцы ко лбу.

— Голова не кружится?

— Сейчас нет.

Она пропустила его внутрь, но ещё несколько секунд следила, как он снимает ботинки.

Квартира Павлова почти не изменилась. Тёмный паркет поскрипывал в тех же местах, в прихожей стояла узкая банкетка с продавленной серединой, на стене висело круглое зеркало в деревянной раме. Пахло запечённой курицей, розмарином и хлебом.

— Руки мойте оба, — сказала Татьяна. — Саша, духовку выключил?

Павлов остановился на полпути в ванную.

— Сейчас выключу.

— Значит, нет.

Она ушла на кухню. Павлов снял пальто Евгения с вешалки и повесил заново, расправив плечи.

— Она у тебя как дома, — сказал Евгений.

— Так и есть.

За столом Павлов посадил Евгения так, чтобы тот не задевал левым плечом стену. Татьяна положила ему небольшой кусок курицы и тут же добавила ещё картофеля.

— Я не умираю с голоду.

— Девять дней в больнице не считаются питанием.

— Там кормили.

— Я видела, чем.

Павлов разлил воду по бокалам.

— Давайте сначала поедим, пока всё горячее.

Первые несколько минут говорили о враче, таблетках и том, когда снимать повязку. Татьяна задавала вопросы, Павлов отвечал, хотя половина вопросов предназначалась Евгению. Он ел медленно. После больничной еды специи казались слишком сильными, но курица была мягкой, а картофель всё-таки не сгорел.

На подоконнике стоял новый телефон. Контакты восстановились, большинство приложений тоже. Почту Евгений пока не подключал. Он объяснил себе, что не хочет снова видеть уведомление о боксе за общим столом.

— Что в папке? — спросила Татьяна.

— Бумаги из страховой и полиции, — ответил Павлов. — Ничего срочного.

— Я уже посмотрел, — сказал Евгений.

Мать перевела взгляд с него на Павлова.

— Там Алексей указан как человек, который вызвал скорую.

— Ну да. Он же тебя нашёл.

— Он утверждает, что не ехал следом. Тогда как оказался на той дороге?

Павлов положил вилку.

— Я разговаривал с ним на следующий день после аварии.

Евгений повернулся к нему.

— И?

— Он был не в себе. Всё повторял, что не должен был отпускать тебя одного.

— Откуда отпускать?

— Не сказал.

— А ты не спросил?

— Ты лежал в реанимации, а он едва связывал слова. Мне тогда было не до допроса. Татьяна перестала резать курицу и положила нож.

— Можно не сейчас?

— Мам...

— Я ещё не привыкла, что ты сидишь за столом, а не лежишь в больнице. Дай мне один вечер без разговоров об аварии. Пожалуйста. Просто поешь.

Евгений взял вилку, но есть уже не хотелось.

— Алексей со мной не разговаривает, — сказал он через несколько секунд.

— Значит, пока не готов, — ответил Павлов. — Не дави на него.

— И что мне делать?

— Подождать хотя бы день. А потом встретиться. Только не один и не где попало.

— Я не ребёнок.

— Я знаю. Но после аварии ты еле ходишь и не помнишь последние полгода. Это не одно и то же.

Ключ лежал в рюкзаке, оставленном в прихожей. Евгений почти физически чувствовал расстояние до него.

— Если Алексей позвонит, я скажу.

— Не обязательно мне. Лене, Илье Сергеевичу — кому-нибудь.

— Хорошо.

Павлов некоторое время смотрел на него.

— Ты уже что-то решил?

— Нет.

— Жень.

— Саша, оставь, — сказала Татьяна.

Павлов отодвинул тарелку.

— Ладно. Только помни: до аварии ты знал, куда идёшь и с кем имеешь дело. Сейчас — нет.

Евгений вспомнил пустое место над столом и строку «А.М., код принят».

— Алексей знает.

— Возможно.

Павлов не стал защищать его снова. Поднялся, собрал тарелки и понёс к кухонной мойке.

Татьяна коснулась запястья Евгения.

— Саша не пытается тобой командовать. Он просто боится за тебя.

— Знаю.

— Тогда почему ты сразу злишься?

— Потому что все говорят со мной так, будто я снова ребёнок.

Мать медленно убрала руку, но взгляда не отвела.

— Я знаю, что ты взрослый. Но сначала я не знала, очнёшься ли ты вообще. Потом смотрела, как ты не мог сам встать с кровати. А теперь ты еле стоишь и всё равно куда-то рвёшься. Я не могу просто взять и перестать бояться. Дай мне немного времени.

Евгений посмотрел на её пальцы. Она сжимала салфетку, сворачивая край в тонкую трубочку.

— Хорошо, — повторил он тише.

На этот раз слово прозвучало иначе.

Павлов вернулся с чайником и тремя чашками.

— Я всё-таки пришлю тебе номер адвоката, — сказал Павлов, разливая чай.

— Зачем?

— Он занимается дорожными делами. Посмотрит бумаги, объяснит, что делать со страховой.

— Я сначала сам посмотрю.

— Посмотри. Номер всё равно будет в телефоне.

Евгений покачал головой.

— Ты всегда так договариваешься?

— Да.

Разговор постепенно ушёл в сторону. Татьяна рассказала о соседке, которая снова затопила нижнюю квартиру. Павлов пожаловался на нового заместителя, способного превратить одну страницу отчёта в сорок. Евгений слушал и временами почти забывал, что за пределами этой кухни существуют пустые месяцы.

После чая стало душно. Он поднялся и вышел в гостиную.

У дальней стены стоял книжный шкаф. На нижних полках теснились технические справочники, альбомы и папки, на верхней — фотографии в разномастных рамках. Евгений помнил большинство: мать и Павлов на даче, он сам лет в десять с огромной щукой, которую на самом деле поймал сосед; общий снимок после университетского выпуска.

Одной фотографии он раньше не замечал.

Трое молодых мужчин стояли на широких каменных ступенях. Снимок выцвел, чёрные пиджаки отдавали зеленью. Сергей Котов смотрел в объектив, прищурив один глаз. Рядом Павлов — худой, без очков, с растрёпанными волосами. Третьего Евгений узнал по повороту головы.

Отец держал руки в карманах и улыбался кому-то за камерой.

— Это НИИкт, — сказал Павлов за спиной.

Евгений не слышал, как он вошёл.

— Я раньше не видел эту фотографию.

— Она здесь давно. Наверное, раньше не замечал.

Павлов встал рядом, но фотографию не взял.

— Это Котов?

— Серёжа. А этот лохматый — я.

— Отца я узнал.

— Только Витя смотрел так, будто фотограф оторвал его от чего-то важного.

— Когда это сняли?

Павлов наклонился ближе к рамке.

— После ночной смены. Мы почти неделю возились с одним упрямым стендом. В ту ночь два раза подряд получили то, что хотели. Серёжа вытащил кого-то из проходной с фотоаппаратом и потащил нас на крыльцо.

— А чем вы там вообще занимались?

— Витя с Серёжей собирали аппаратуру, я бегал между лабораторией и начальством.

— Что за стенд?

— Испытательный. Проверяли всё перед сдачей.

— Кому сдавали?

— Медикам, кажется. Тогда у половины заказов были названия, которые ничего не объясняли. Я всё равно больше занимался бумагами.

— А отец?

— Сказал, что двух раз мало. Мы с Серёжей уже нашли бутылку, которую кто-то прятал к празднику, а он заставил всё включать ещё раз.

— Похоже на него.

Павлов повернул голову.

— Ты был совсем маленький. Откуда тебе знать?

— Он однажды три раза разбирал мой велосипед. После ремонта оставался лишний болт.

— Нашёл, откуда болт?

— Нет. В конце концов решил, что его положили на заводе по ошибке.

Павлов тихо рассмеялся.

— Да. Это Витя.

Татьяна остановилась в дверях гостиной с блюдом нарезанного пирога.

— Велосипед потом ещё пять лет стоял у нас на балконе, — сказала она.

— Потому что был исправен, — отозвался Павлов.

— Потому что Витя не разрешал его выбросить.

На фотографии отец оставался моложе Евгения. Эта мысль приходила всякий раз, когда он видел ранние снимки, и каждый раз казалась неправильной. Виктор в памяти был старше всех: стоял у мангала, наклонялся над разобранным радиоприёмником, держал Евгения за плечо на школьной линейке. Фотография не знала этого человека. На ней он ещё только собирался им стать.

— Вы долго работали втроём? — спросил Евгений.

— Долго. Сначала и обедали вместе, и по домам уходили вместе. Потом я всё чаще сидел на совещаниях, Серёжа оставался с техникой, Витя ругался на нас обоих.

— Из-за чего?

Павлов поправил рамку, которая стояла чуть криво.

— Из-за всего. Денег не было, сроки ставили невозможные, начальство менялось. Мы тогда часто спорили. Потом остывали и снова садились за один стол.

Он ещё раз провёл пальцем по краю рамки.

— Мне его не хватает, Евгешка. До сих пор. Иногда думаю: был бы Витя, позвонил бы, обругал меня за что-нибудь и приехал чинить то, что я не просил чинить.

— Причину обругать он бы нашёл.

— В этом я не сомневаюсь.

Татьяна опустила взгляд на блюдо. Павлов снял очки и потёр переносицу.

— После той аварии долго казалось, что он просто задержался. Что сейчас откроет дверь и начнёт объяснять, почему мы все неправильно живём.

Он сказал это негромко, без улыбки.

Евгений помнил день, когда мать сказала, что отец погиб. Помнил чашку с отколотой ручкой у неё в ладонях, соседку в коридоре, Павлова, который приехал ночью и долго говорил с кем-то по телефону на кухне. Помнил похороны, мокрую землю и слишком тесный воротник школьной рубашки.

Саму аварию он знал только по словам взрослых.

— Что тогда произошло? — спросил он.

Татьяна подняла голову.

— Женя, ты знаешь.

— Я знаю только, что он разбился.

Павлов надел очки.

— На мокрой дороге машину занесло. Вынесло на встречную, там шёл грузовик. Всё произошло быстро. Врачи ничего не смогли сделать.

— Он был один?

— Один, — ответила Татьяна.

— Куда ехал?

Мать сжала блюдо крепче.

— По работе. Кажется.

— Кажется?

— Женя, мне тогда было не до маршрутов.

Павлов повернулся к нему.

— Хватит. Не сейчас.

В голосе не было угрозы, только усталость. Евгений посмотрел на мать и увидел, как побелели её пальцы на краю блюда.

— Прости, мам.

Она кивнула и первой ушла на кухню.

Павлов остался возле шкафа.

— Ты тогда помогал маме? — спросил Евгений.

— Чем мог. Бумаги, страховая, похороны. Таня почти не спала.

— Документы об аварии могли остаться?

— У неё — наверняка. Она ничего не выбрасывает.

Из кухни донёсся стук ножа о тарелку. Павлов посмотрел в ту сторону.

— Только не спрашивай её снова сегодня.

— Не буду.

Павлов взял с подоконника телефон Евгения и протянул ему.

— Собирайся. Отвезу домой.

Татьяна отказалась ехать с ними. Сказала, что вызвала такси и хочет немного пройтись до проспекта. Евгений предложил проводить, но она покачала головой.

— Я напишу, когда доеду.

Она поцеловала его в щёку и задержала ладонь у лица.

— Как приедешь, сразу ложись. И не копайся сегодня ни в чём. Пожалуйста.

— Хорошо.

Мать задержала на нём взгляд, не поверив, но спорить не стала. Потом надела пальто и вышла.

Павлов мыл посуду. Евгений принёс чашки из гостиной. Одну поставил слишком близко к краю; Павлов молча переставил.

— Ты правда думаешь, что мне надо всё бросить? — спросил Евгений.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Тогда зачем адвокат, адреса, звонки?

Павлов закрыл воду и вытер руки полотенцем.

— Потому что ты едва ходишь и половины происходящего не помнишь. Разбирайся, если иначе не можешь. Только врачу позвони. И если куда-то поедешь, оставь кому-нибудь адрес.

— Хорошо.

— Жень.

— Позвоню. Тебе.

Павлов взял ключи от машины.

— Я не хочу ещё раз искать тебе врачей посреди ночи.

Обратно ехали почти молча. На Большом проспекте редкий мокрый снег снова появился в свете фар и тут же таял на стекле. Павлов включил радио, но сделал звук едва слышным. Ведущий говорил о ремонте моста и пробках на утро.

У арки Павлов вышел первым и достал с заднего сиденья синюю папку.

— Телефон далеко не убирай. И звук на ночь оставь.

— Хорошо.

— Я не для контроля.

— Я понял, дядя Саш.

Павлов помедлил, потом кивнул.

— Спасибо за ужин.

— Тане скажи.

— Картошка была твоя.

— Тогда можешь сказать и мне.

Павлов дождался, пока он войдёт в парадную, и только потом вернулся к машине.

Дома Евгений включил свет на кухне. Положил папку на стол, рядом — новый телефон.

Из рюкзака достал ключ.

Три предмета легли в ряд: бумаги об одной аварии, средство связи, которого у него не было утром, и ключ от бокса, существование которого он скрыл от человека, решившего за день больше его проблем, чем он сам.

Телефон показал сообщение от матери:

«Доехала».

Евгений открыл переписку и нажал на значок вызова.

— Ты что-то забыл? — спросила Татьяна.

На заднем плане хлопнула дверь шкафа.

— Мам, у тебя сохранились документы по папиной аварии?

Тишина длилась недолго, но он успел услышать шорох одежды и её дыхание.

— Должны быть. Где-то в верхнем шкафу.

— Я завтра приеду.

— Зачем они тебе?

Евгений посмотрел на синюю папку.

— Хочу понять, что тогда произошло.

— Произошла авария, Женя. Мы только что тебе рассказали.

— Вы рассказали итог.

Мать вздохнула.

— Сейчас почти десять.

— Я не прошу искать сегодня.

— Тогда приезжай после обеда. Утром у меня поликлиника.

— Хорошо.

— Не «хорошо». Утром сначала напиши, как себя чувствуешь. Если опять закружится голова, я сама привезу бумаги.

— Напишу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он не уточнил, что именно.

После разговора Евгений открыл на планшете письмо «Северного хранения». Адрес на Обводном оставался прежним. До бокса можно было доехать завтра, после матери. Или вместо неё.

Он закрыл письмо.

Склад подождёт.

Сначала — отец.

Глава 5. Старая авария

Утром Евгений написал матери: «Голова не кружится. После обеда приеду».

Ответ появился раньше, чем сообщение успело сменить статус на прочитанное:

«Сначала поешь».

Он сфотографировал тарелку с кашей и отправил ей. Татьяна увеличила снимок, заметила рядом чашку кофе и перезвонила.

— Жень, тебе разве можно?

— Никто не запрещал.

Евгений взял кружку и отхлебнул чуть-чуть.

— Мам, я приеду к двум.

— Лучше к половине третьего. Я после поликлиники хочу заехать на кладбище к отцу.

— Тогда я с тобой.

На том конце ненадолго стало тихо.

— Хорошо. Только на такси. И если устанешь, сразу домой.

Евгений согласился. Ему надоело каждый раз доказывать, что он способен справляться сам, но вчерашний подъём на третий этаж ещё отзывался в рёбрах. После завтрака он принял таблетки, лёг на диван и поставил будильник, хотя спать не собирался.

Телефон лежал рядом и продолжал понемногу возвращать его прежнюю жизнь. За ночь восстановились фотографии, заметки, календарь. Последние шесть месяцев оставались почти пустыми: несколько счетов и напоминаний без пояснений. Всё важное старый Евгений либо хранил в другом месте, либо успел удалить.

В календаре на вечер аварии не было ничего.

Евгений открыл синюю папку Павлова. Под цветными наклейками лежали справки, страховые бланки и копия схемы ДТП. На схеме его машина была обозначена прямоугольником с цифрой один. Второй прямоугольник касался её левого заднего угла. Дальше пунктир уходил к обочине и обрывался у условного дерева.

Рядом с дорогой инспектор записал: «Следов торможения т. с. 2 до места столкновения не обнаружено».

Евгений перечитал строку дважды. Она ничего не доказывала. Дождь, грязь, повреждённое покрытие — причин могло быть достаточно. Неизвестный водитель мог заметить его слишком поздно. Мог ударить по тормозам, не оставив следа. Мог вообще не успеть понять, что перед ним машина.

Но после удара он уехал.

Евгений взял телефон и набрал номер следователя с листа Павлова. На вызов никто не ответил. Он подождал, позвонил ещё раз и оставил короткое сообщение с просьбой связаться с ним.

Потом сделал фотографию схемы и убрал папку в рюкзак.

До приезда такси оставалось восемь минут. Ключ от R-47 лежал в маленьком кармане. Евгений нащупал его сквозь ткань, проверил молнию и только после этого надел куртку.

У матери пахло аптекой и жареным луком. На тумбочке в прихожей стоял пакет с бахилами, из кармана пальто торчал сложенный вчетверо лист назначений.

Татьяна открыла дверь и первым делом посмотрела не на него, а на лестницу.

— Сам поднялся?

— Сам.

Она потрогала его рукав у локтя, словно проверяла, на месте ли рука, и отступила.

— Проходи. Документы я достала.

На кухонном столе лежала старая картонная папка с тесёмками. Крышка выгнулась, один угол был заклеен пожелтевшим пластырем. Рядом мать поставила две кружки и тарелку с бутербродами.

— Я поел.

— Вижу, большой молодец.

Евгений сел. Татьяна развязала тесёмки, но папку не открыла.

— Там ничего нового не будет.

— Мне всё равно нужно посмотреть.

Мать посмотрела на него поверх очков.

Евгений промолчал. Вчера он обещал себе вести разговор осторожно.

Татьяна сняла крышку.

Сверху лежало свидетельство о смерти в прозрачном файле. Под ним — заключение о ДТП, лист с показаниями водителя грузовика, бумаги по страховке от института, квитанции, телеграмма и две сложенные газетные вырезки. Большинство листов были заполнены чужим почерком. На полях встречались короткие пометки синей ручкой: «копия», «забрать», «оплачено».

Евгений узнал почерк Павлова.

Та же размашистая «з», похожая на тройку, стояла вчера на цветных наклейках в синей папке. Только старые чернила выцвели до фиолетового. Двадцать лет назад Павлов уже делал для Татьяны то, что теперь делал для него: превращал чужие справки и требования в понятный порядок действий. Где расписаться. Кому позвонить. Что оставить себе.

На полях одного письма он даже нарисовал стрелку к нужной строке. Евгений провёл по ней пальцем, не касаясь бумаги.

— Саша всё оформлял?

— Почти всё.

— Почему не ты?

Татьяна поправила край скатерти.

— Потому что я в те дни не очень понимала, что происходит.

— А кто-нибудь из института помогал?

— Они прислали деньги и венок. Кажется, ещё машину давали.

— Кажется?

— Двадцать лет прошло, Жень.

Он вытащил заключение. Первый лист хрустнул на сгибе. Дата, фамилия Виктора, номер автомобиля, сухой перечень повреждений. На втором была схема дороги: две полосы, поворот, точка столкновения и длинная стрелка, которой отметили движение машины отца.

Под схемой лежало постановление об отказе в возбуждении дела. Водитель грузовика ехал по своей полосе, нарушений не обнаружили. Виктор, согласно заключению, не справился с управлением на мокрой дороге. Все остальные бумаги лишь повторяли эту фразу другими словами.

К заключению был подшит лист с показаниями водителя грузовика. Показания записывали от руки, короткими ответами. Евгений прочитал несколько строк: «Легковой автомобиль выехал на полосу моего движения внезапно, на расстоянии примерно пяти метров». Ниже: «Принял вправо, чтобы избежать столкновения». И ещё: «После удара остановился у правой обочины». О торможении в записи не было ни слова.

Отдельно лежал отказ страховой компании, через которую институт страховал сотрудников от несчастных случаев. Дальше шла переписка: претензия, ответ и повторная претензия. После неё выплату одобрили. Под последней стояла подпись Татьяны, но текст был набран на машинке и испещрён пометками Павлова.

— Ты помнишь, почему они отказали?

- Решили, что он ехал не по работе.
- А потом заплатили.
- Саша добился выплаты.
- Как?
- Привёз им справку из института. Что поездка была служебной.
- Ты видела эту справку?
- Нет. Саша сказал, что всё уладил.

Евгений отложил письма. По документам выходило, что после смерти отца Павлов не просто помог семье. Он на несколько месяцев стал человеком, через которого проходило всё: милиция, институт, страховая. Вчера эта забота казалась продолжением их общей жизни. Сегодня она занимала слишком много места на столе.

- Можно я заберу это домой?
- Нет.
- Евгений поднял глаза.
- Почему?
- Потому что ты попросил посмотреть. Посмотришь и положишь обратно.
- Я аккуратно.
- Дело не в аккуратности.
- А в чём?

Татьяна закрыла папку ладонью.

— В том, что ты опять начнёшь сидеть ночами, что-то сравнивать, звонить незнакомым людям. Потом перестанешь.

- Евгений медленно положил лист на стол.
- «Опять» — это про последние месяцы?
- Нет, это про тебя. Совсем себя не бережёшь.

Кухня была маленькой, и отвернуться по-настоящему здесь было некуда. Татьяна сняла очки, протёрла их салфеткой и снова надела.

- Мы едем или нет? — спросила она.
- Да, поехали.

Она вернула бумаги и газетные вырезки в папку, затянула тесёмки и оставила её на кухонном столе.

- Машина уже ждёт, — сказала мать.
- Евгений поднялся из-за стола.

Татьяна первой вышла в прихожую.

Такси ждало у подъезда. Татьяна села рядом с водителем, Евгений устроился сзади. В машине пахло мокрыми ковриками и мятными леденцами. Водитель дважды спросил адрес, хотя он уже был указан в приложении, потом включил навигатор на полной громкости.

Они ехали молча. Город за стеклом выглядел вымытым и недосушенным. На обочинах чернели кучи снега, смешанного с песком, в лужах стояли голые ветви. Татьяна время от времени оборачивалась, проверяя, не побледнел ли он.

— Не смотри на меня так. Я нормально себя чувствую, — сказал Евгений после третьего раза.

- Хорошо.
- Татьяна отвернулась к окну.

У ворот кладбища торговали искусственными цветами и свечами в красных стаканах. Татьяна купила две еловые ветки и долго выбирала лампадку с крышкой.

- Папа любил всё настоящее, — сказал Евгений, глядя на пластиковые листья.
- В ноябре настоящее быстро завянет.
- Он бы всё равно ворчал.

— Он всегда ворчал. Это не значит, что его надо слушать.

Дорожки раскисли. Мелкий щебень уходил под подошвами, между плитами блестела вода. Евгений шёл медленнее матери, но она нарочно не обгоняла. У одного из поворотов он остановился перевести дыхание. Татьяна ничего не сказала, только переложила пакет с еловыми ветками в другую руку и дождалась.

Могилу Евгений узнал раньше, чем вспомнил дорогу к ней.

Невысокая чёрная ограда, гранитная плита, фотография отца в пиджаке. На снимке Виктор был старше, чем на фотографии из квартиры Павлова, но всё равно моложе того человека, которого Евгений помнил. Кто-то оставил у основания два потемневших яблока. В углу лежал мокрый букет гвоздик.

Татьяна сняла перчатки и сразу занялась делом. Собрала листья, вытерла фотографию бумажной салфеткой, заменила старые ветки новыми. Евгений поставил лампадку на плиту и несколько раз чиркнул зажигалкой. Фитиль схватился, но ветер тут же загнал пламя под металлическую крышку.

— Он знал, куда ехал в тот день? — спросил Евгений.

Мать продолжала разгребать мокрые листья.

— Конечно знал.

— А ты знала?

— По работе куда-то.

— Вчера ты сказала «кажется».

— Значит, не знала.

— Он выехал из института?

— Наверное.

— Днём или вечером?

Татьяна выпрямилась.

— Поздно. Нет, подожди. Мне поздно сообщили. Уехать он мог раньше.

— Кто сообщил?

— Из милиции.

— Ты уверена?

— Женья.

— Я просто спрашиваю.

— Сначала позвонил Саша. Или он приехал уже после. Я не помню.

Евгений посмотрел на фотографию отца. В чёрном камне отражались голые ветви и светлое пятно его собственного лица.

— Павлов знал об аварии раньше тебя?

— Я этого не сказала.

— Ты сказала, что он мог позвонить первым.

— Я сказала, что не помню.

Татьяна скомкала мокрые салфетки и бросила их в пакет.

— Мне дали телефон, я разговаривала с врачом. Потом с каким-то следователем. Потом приехал Саша. Или он уже был рядом. На следующий день в квартире сидело столько людей, что я не могла пройти из комнаты на кухню. Ты хочешь, чтобы я расставила их по минутам?

— Нет. Хочу понять, почему отец оказался на той дороге.

— Из-за дождя его занесло. Тебе вчера объяснили.

— Это не отвечает на вопрос, куда он ехал.

— А какая теперь разница?

— Может быть, большая.

Мать завязала пакет слишком резко; тонкие ручки растянулись.

— Он поехал по работе. Дорога была мокрая. Машину вынесло на встречную, и она попала под грузовик. Вот что произошло.

— Откуда ты это знаешь?

— Из заключения.

— Ты его читала?

Татьяна посмотрела на него.

— Конечно читала.

— Сама?

— Что значит «сама»?

— Или Саша рассказал?

Её лицо изменилось не сразу. Сначала исчезла растерянность, потом усталость. Осталось что-то закрытое и очень знакомое — выражение, которое Евгений видел у Лены, когда та стояла в прихожей его квартиры.

— Не смей, — сказала мать.

Он понял, как прозвучал вопрос, но отступить уже не смог.

— Я не обвиняю тебя. Мне нужно знать, что ты прочитала сама, а что знаешь только со слов Павлова.

— Ты допрашиваешь меня на могиле отца.

— Я задаю вопросы.

— Ты всегда теперь так это называешь?

— Теперь?

— Последние месяцы. Вопрос, ещё вопрос, потом тот же самый другими словами. Пока человек не скажет то, что тебе нужно.

Ветер качнул еловые ветки. Одна соскользнула с плиты; Евгений поднял её и положил обратно.

— Что мне нужно, мам?

— Чтобы всё оказалось неслучайно.

— Почему?

— Потому что тогда ты не зря разрушил свою жизнь.

Он почувствовал, как внутри поднимается готовый ответ — точный, злой, способный заставить её продолжить. Надо было только указать, что разговор не о нём. Что она уходит от темы. Что её память избирательна именно там, где появляется Павлов.

Те же слова можно было расставить так, что любой ответ прозвучал бы признанием.

Евгений закрыл рот.

Мать смотрела на него, ожидая следующего вопроса.

— Прости, — сказал он.

Татьяна отвела взгляд.

— Поехали домой.

— Давай ещё немного постоим.

— Я замёрзла.

Она взяла пакет и вышла за ограду. Евгений задержался перед плитой. С фотографии отец смотрел чуть в сторону, словно и здесь его отвлекли от работы.

— Я не знаю, что делаю, — сказал Евгений негромко.

От ветра в лампадке дрогнуло пламя. Другого ответа не было.

Он вспомнил похороны не как последовательность, а несколькими отдельными кадрами. Мокрый воротник школьной рубашки. Чужую ладонь у себя на затылке. Мать, которая ни разу не заплакала при людях и сорвалась уже дома из-за незакрытого крана.

Павлов тогда сидел с Евгением на кухне до утра. Не говорил, что время лечит, не обещал, что станет легче. Разбирал принесённые бумаги на две стопки и иногда спрашивал, не хочет

ли Евгений спать. Под утро он снял очки, прижал пальцы к глазам и сказал: «Теперь за мать надо держаться. Вдвоём проще».

Евгений держался. Потом привык, что дядя Саша приезжает, когда ломается кран, когда мать болеет, когда Евгения вызывают к директору школы. Если в старых документах и была ошибка, Павлов мог просто двадцать лет повторять то, что тогда сказали всем.

Эта мысль показалась подлой. Евгений поднял пакет с мокрыми салфетками и догнал мать.

На обратном пути Татьяна села сзади, рядом с ним. Она смотрела в окно и отвечала односложно, пока Евгений не перестал пытаться.

Дома мать сразу ушла переодеваться. Евгений остался на кухне. На столе всё ещё стояли нетронутые бутерброды; масло на них успело заветриться. Он налил воду в чайник и включил, потому что не знал, что ещё можно сделать.

Татьяна вернулась в старом домашнем свитере.

— Я вызову тебе машину, — сказала она.

— Давай сначала чай.

— Не хочу.

— Мам.

Она остановилась у двери.

— Жень, я правда не помню, кто позвонил первым. Не помню, во сколько Витя уехал и куда собирался. Я помню, что утром он искал второй носок и злился, потому что ты опять взял его отвёртку. Помню, что вечером не могла открыть банку с помидорами. Потом пришли люди, и у каждого были бумаги. Саша разговаривал с ними, потому что я не могла. Если ты хочешь сделать из этого тайну, сделаешь. Только без меня.

— Я не думаю, что ты что-то скрываешь.

— В прошлый раз тоже сначала не думал.

Евгений опустил взгляд.

— Я приходил к тебе с этими вопросами?

— И не один раз.

— Что ты мне рассказывала?

— То же самое.

— А потом?

Татьяна коротко усмехнулась.

— Вот видишь.

Он снова услышал собственный голос со стороны: спокойный, терпеливый, уже приготовивший следующий шаг. Не разговор — узкий коридор, в котором мать могла идти только туда, куда он её подталкивал.

Евгений выключил чайник до закипания.

— Всё. Больше не спрашиваю.

— Сегодня?

— Пока ты сама не захочешь.

Татьяна не ответила. Села напротив и придвинула к себе папку.

Несколько минут они молчали. Чайник щёлкнул, остывая. На стене ровно шли часы, подаренные Павловым на какой-то Новый год; Евгений помнил, как отец высмеивал пластиковый маятник, хотя сам потом повесил их над холодильником.

— После похорон остались долги, — сказала она наконец. — Не наши. Витя занял деньги у кого-то на аппаратуру. Или подписал поручительство. Я так и не поняла. Саша всё закрыл.

Евгений не перебивал.

— Со страховой института тоже он ездил. Они сначала не хотели платить: требовали подтверждение, что Витя ехал по работе. Потом выплатили. Не сразу.

— Понял.

— И в институте у Вити были неприятности. Проект закрыли, людей разогнали по отделам. Он требовал уничтожить какие-то материалы. Говорил, что нельзя оставлять. Я думала, обычная рабочая ругань.

— Это было незадолго до аварии?

Мать посмотрела на него, и Евгений уже пожалел, что спросил.

— Незадолго. Насколько — не знаю. Всё.

— Всё.

Татьяна развязала папку и достала газетные вырезки.

— Забери их, если хочешь. Остальные бумаги останутся у меня.

— Спасибо.

— Не благодари.

Он расправил первую вырезку на столе. Небольшая заметка занимала нижний угол полосы. Заголовок сообщал о смертельном столкновении на мокрой дороге. Фамилию Виктора напечатали с ошибкой — «Бялов», а второй инициал тоже указали неверно. О водителе грузовика говорилось, что он не пострадал и не успел избежать столкновения. Ниже шла ссылка на предварительную версию: легковой автомобиль потерял управление.

Вторая вырезка была старше. В ней упоминался НИИКТ и закрытие экспериментального направления. Несколько строк были обрезаны по краю, но фамилия Виктора уцелела. Он назвал решение руководства поспешным и потребовал уничтожить результаты незавершённых исследований, если институт не может гарантировать их сохранность.

Евгений сравнил даты публикаций. Между ними было меньше месяца.

— Почему ты сохранила это вместе?

— В обеих про него.

— Саша видел вторую?

— Наверняка. Они тогда ещё работали вместе.

— Отец говорил, какие материалы хотел уничтожить?

Татьяна устало посмотрела на него.

— Ты обещал.

— Больше не спрашиваю.

Татьяна достала из папки два листа заключения и лист с показаниями водителя грузовика, затем положила их рядом с вырезками.

— Это можешь сфотографировать. С обеих сторон. Только оригинал останется здесь.

Евгений открыл камеру. Пришлось дважды переснять нижнюю часть листа: на глянцевом файле отражалась лампа, закрывая примечания. Татьяна молча придержала край, пока он наводил резкость.

Она встала.

— Машина подъехала.

Евгений сложил вырезки и убрал во внутренний карман куртки. У двери мать подала ему шарф. Он обмотал шею, не споря.

— Напиши, когда доедешь.

— Хорошо, мам.

— И сегодня больше ничего не ищи.

Евгений не ответил.

Татьяна поправила ему воротник.

— Вот за это я и боюсь.

Он хотел сказать, что не может обещать. Вместо этого накрыл её руку своей.

— Я понял.

Она убрала ладонь и открыла дверь.

Дома Евгений первым делом написал матери: «Доехал».

Потом достал из рюкзака синюю папку, а из кармана — газетные вырезки. Положил современную схему на стол, а фотографию старой открыл на телефоне.

На старой схеме автомобиль Виктора пересекал осевую под углом. Грузовик шёл навстречу. До точки столкновения возле колёс грузовика не было ни одной отметки; короткий след начинался уже после удара.

В примечании стояло: «Тормозной путь до столкновения не зафиксирован».

Евгений положил рядом современную схему.

«Следов торможения т. с. 2 до места столкновения не обнаружено».

Формулировки отличались, но обе относились к одному факту: до столкновения следы торможения не были зафиксированы.

Он повернул телефон, совместил направление движения, затем выругался и вернул как было. Так сходство становилось слишком удобным: два прямоугольника, две стрелки, две короткие фразы. Схема не показывала, видел ли водитель опасность, нажимал ли на педаль, позволяла ли дорога оставить след.

На следующей фотографии был лист с показаниями водителя грузовика. Тот утверждал, что легковая машина появилась перед ним внезапно, примерно в пяти метрах, и что он принял вправо, пытаясь избежать столкновения. О торможении водитель не говорил. Следовательно либо не уточнил этого, либо не записал ответ.

В современных документах показаний второго водителя не было. Только частицы тёмной краски на кузове и запись об отсутствии следов торможения до удара.

Улика была не в том, что оба водителя наверняка не тормозили. Документы этого не доказывали. Совпадало другое: в материалах обеих аварий следов торможения второго автомобиля до столкновения не зафиксировали.

Он взял чистый лист и написал две строки:

«Виктор Белов. Мокрая дорога. Следов торможения грузовика до столкновения не зафиксировано».

«Евгений Белов. Мокрая дорога. Следов торможения второго автомобиля до столкновения не зафиксировано».

Сходство выглядело слишком аккуратным, поэтому Евгений заставил себя перечислить различия. Отца вынесло на встречную. Его самого ударили сзади при выезде с обочины. В первом случае водитель остался на месте, во втором — скрылся. Между авариями прошло почти двадцать лет. Ни одна схема не доказывала умысла.

Он записал и это.

Получилось шесть причин не делать выводов и одна причина продолжить: незадолго до смерти Виктор требовал уничтожить материалы закрытого проекта НИИКТ. Перед своей аварией Евгений тоже прятал материалы, очищал компьютер и снял бокс под чужим именем.

Телефон завибрировал.

Павлов написал: «Как там Таня?»

Евгений посмотрел на две схемы.

«Нормально. Устала», — ответил он.

Почти сразу появились три точки, затем новое сообщение:

«А ты?»

Евгений напечатал: «Тоже нормально».

Отправлять не стал. Стёр.

Снимки старой схемы оставались в галерее. Евгений мог прикрепить их к сообщению и получить ответ через минуту: вчера дядя Саша сам показал фотографию, сам заговорил об отце, сам сказал, где искать документы. Но Евгений не хотел отдавать ему и эту версию, пока сам не понял, куда она ведёт.

Он положил телефон экраном вниз.

На планшете оставалось открытым письмо «Северного хранения».

Евгений перечитал условия доступа, проверил часы работы и записал номер договора на отдельный лист. Затем достал ключ R-47 и положил рядом со схемами.

Старый Евгений оставил ему адрес, ключ и название файла. Если ответы существовали, искать их следовало там, где он сам решил их спрятать.

Евгений снова взял телефон и открыл переписку с матерью. Звать её после сегодняшнего разговора он не хотел. Павлов предложил бы поехать вместе, а потом снова взял бы всё на себя. Лене он не мог написать после нескольких месяцев молчания только затем, чтобы позвать её с собой. Илья Сергеевич ясно дал понять: частное расследование к редакции не относится.

Павлов предупреждал его не встречаться с Алексеем в одиночку. Но поездку на Обводный Евгений встречей не считал: обычный склад в рабочее время. Открыть бокс, посмотреть и уйти. Опасностью это не выглядело.

Евгений закрыл переписки. Сначала он сам увидит, что спрятал в R-47. Если там действительно окажется нечто важное, тогда и расскажет.

Завтра он поедет на Обводный один.

Глава 6. Отголоски прошлого

Утром Евгений проснулся за несколько минут до будильника. Лежал неподвижно, пока не понял, что разбудило его не головокружение и не боль, а вибрация телефона на полу.

Мать написала: «Как спал?»

Он сел, подождал, пока комната перестанет медленно наклоняться вправо, и ответил: «Нормально. Сегодня останусь дома».

Сообщение ушло сразу. Ложь получилась короткой и правдоподобной.

На столе со вчерашнего вечера лежали две схемы аварий. Евгений сложил их, убрал в синюю папку Павлова и задвинул её под стопку журналов. Газетные вырезки он положил отдельно, в верхний ящик. Ключ R-47 оставил перед собой.

За ночь металл остыл. Квадратная головка казалась слишком маленькой для вещи, ради которой прежний Евгений снял бокс под чужим именем, завёл отдельную почту и очистил компьютер.

Он открыл письмо «Северного хранения» ещё раз. До окончания аренды оставалось четыре дня. После этого компания оставляла за собой право вскрыть бокс, описать содержимое и перенести его на общий склад. Ниже находились номер договора, шестизначный код входа и инструкция для клиентов: код открывал наружную дверь и турникет, ключ — только индивидуальный бокс.

Паспорт требовался при заключении договора. Для посещений — нет.

Евгений переписал код на обратную сторону листка с номером договора, хотя оба уже сохранил в телефоне. Потом сфотографировал листок, проверил фотографию и только тогда сложил его в бумажник. Старый он поступил бы так же или эта привычка появилась за последние дни — понять было невозможно.

В рюкзак легли бутылка воды, зарядное устройство, таблетки, паспорт и пустая папка. Евгений добавил планшет, подумал и вытащил обратно. Если в боксе окажется несколько квитанций и зимняя резина, лишний вес только отзовётся в рёбрах.

Перед выходом он задержался у двери. На крючке висела куртка Лены, которую она так и не забрала. В кармане лежал сложенный чек из аптеки и две заколки. Евгений отвернулся, застегнул свою куртку и вызвал такси.

На набережной Обводного канала было ветрено. Вода под мостом казалась почти чёрной, по поверхности бежала мелкая рябь. Такси высадило его у длинного здания, обшитого серыми панелями. Над входом висела синяя вывеска «Северное хранение». Рядом стояли два грузовых фургона, мужчина в рабочей куртке заталкивал внутрь тележку с коробками из-под бытовой техники.

Евгений не сразу вышел из машины.

Он ожидал чего-то другого. Подвала без окон, ржавых ворот, хотя бы неприметной двери во дворе. Место перед ним больше напоминало магазин строительных материалов. Через стекло было видно стойку, автомат с кофе и стенд с упаковочной плёнкой.

Водитель посмотрел на него в зеркало.

— Приехали.

— Спасибо, вижу.

Евгений расплатился и выбрался наружу. Ветер сразу полез под шарф. До входа было не больше двадцати метров, но к стеклянной двери он подошёл уже запыхавшись.

Справа от ручки находилась цифровая панель. Евгений ввёл код. После последней цифры замок щёлкнул, над панелью на секунду вспыхнула зелёная лампа.

Дверь подалась.

Внутри пахло картоном и дешёвым кофе. За стойкой сидела женщина лет сорока в синей жилетке с логотипом компании. Она подняла глаза от журнала.

— В первый раз?

Евгений остановился.

— Давно не был.

Она взглянула на Женю.

— Номер бокса?

— R-47.

Девушка отвернулась к экрану монитора и сделала пару кликов мышкой. Через пару мгновений посмотрела на Женю.

— Боксы с R — через турникет и направо. Лифт в конце коридора. Первая цифра номера — подземный этаж. Тележки можно брать, залог не нужен.

— Спасибо.

Она вновь вернулась к журналу. На стене за её спиной висел монитор с изображениями камер: вход, погрузочная зона, длинные пустые коридоры. Евгений увидел себя в одном из квадратов — бледное лицо, тёмная куртка, рюкзак на одном плече — и прошёл к турникету.

Код сработал со второго раза. Евгений прошёл через турникет; створки сомкнулись за ним.

Телефон завибрировал в кармане. «Северное хранение»: доступ к боксу R-47 зафиксирован. Евгений перечитал сообщение и убрал телефон.

В конце коридора виднелись двери грузового лифта. Он не спеша направился к ним, минуя закрытые служебные помещения. Шаги гулко раздавались под низким потолком.

Евгений нажал кнопку вызова. Где-то за стеной загудел механизм, затем двери с металлическим скрежетом разошлись.

Лифт оказался грузовым, с обитыми фанерой стенами. Над кнопками была схема: все этажи хранилища располагались под землёй. Евгений нажал кнопку с цифрой «4». Кабина дёрнулась и медленно поползла вниз. Через несколько секунд двери открылись.

Он вышел в ярко освещённый коридор четвёртого подземного этажа. По обе стороны тянулись серые металлические двери. На каждой белой краской были нанесены буква и номер. Нечётные шли справа

Евгений двинулся дальше, ведя пальцами по лямке рюкзака. Под потолком гудела вентиляция. Свет включался секциями: впереди лампы загорались, позади через несколько секунд гасли. Каждый раз, когда коридор за спиной темнел, Евгений слышал собственные шаги отчётливее.

У двери R-47 стояла пустая тележка. На нижней полке лежал обрывок прозрачной плёнки. Евгений отодвинул тележку к стене и достал ключ.

Замок был утоплен в прямоугольную металлическую пластину. Ключ вошёл до конца, но не повернулся. Евгений попробовал ещё раз, прижал дверь плечом и почувствовал, как под курткой отозвались рёбра.

— Ну давай, — тихо сказал он.

На третий раз механизм поддался. Внутри что-то тяжело щёлкнуло.

Евгений опустил ручку и потянул дверь на себя.

Бокс оказался небольшим — чуть шире кладовой в его квартире. Слева стоял металлический стеллаж, справа к стене был прислонён складной стул. На средней полке лежал серый пластиковый контейнер с защёлками. Больше ничего.

Он включил свет. Лампа под потолком мигнула и осветила голые стены, потёртый линолеум и прямоугольник пыли под контейнером.

Евгений не заходил несколько секунд.

После ключа под столом, пустой карточки в редакционной системе и договора под чужим именем он всё равно ожидал подвоха. Ждал, что прежний он успел забрать содержимое или Алексей вынес и отсюда всё так же, как вынес папки из квартиры.

Евгений вошёл и прикрыл дверь, не запирая. Снял рюкзак, поставил у стула и открыл обе защёлки.

Сверху лежала прозрачная папка. Под ней — пять плотных крафтовых конвертов, сложенная вчетверо схема, дешёвый чёрный телефон и небольшой тканевый мешочек. Всё было уложено аккуратно и организованно..

Евгений достал прозрачную папку.

Первым шёл договор с «Северным хранением». Номер совпадал с письмом. Арендатором значился некий Антон Сергеевич Воронцов.

Евгений перелистнул страницу.

К договору была подшита копия паспорта. С фотографии смотрел он сам: коротко подстриженный, без щетины, в тёмной рубашке. Снимок был сделан не в профессиональной студии, а будто бы на коленке — фон за головой убрали неаккуратно, над правым ухом осталась светлая полоса. Имя, дата рождения и место регистрации принадлежали Антону Воронцову. Серия и номер не совпадали с его паспортом.

Совпадали только черты лица.

Евгений достал свой паспорт и положил рядом. На настоящей фотографии он был моложе и смотрел чуть выше камеры. Разница не мешала узнать одного человека.

Он проверил оборот копии. Внизу мелко стояла дата оформления — четвёртое июня. В тот же день он напечатал в редакции файл «R47_04-06.pdf» и написал заявление на отпуск.

В папке лежал ещё один лист с данными для входа. Отдельная почта, пароль, контрольный вопрос. В строке «переадресация» был указан его настоящий ящик.

Не спонтанная ложь. Готовая личность, которой можно было воспользоваться ещё раз.

Евгений вернул свой паспорт в рюкзак, а копию Воронцова оставил на стуле. Потом развернул сложенную схему.

Это была не карта города, как он решил сначала, а несколько склеенных листов формата А4. В центре прежний Евгений провёл вертикальную линию и отметил на ней шесть дат.

2001.

2005.

2008.

2011.

2014.

2017.

Рядом с первой стояло: «В. Белов — ДТП». От неё линия уходила к имени Вячеслава Стрельникова. Ниже были вписаны ещё четыре фамилии: Румянцева, Кузнецова, Макаров, Филатова. Между ними тянулись стрелки, вопросительные знаки и короткие пометки. Некоторые слова прежний Евгений обвёл несколько раз, другие зачеркнул так, что бумага истончилась.

В правом углу крупно было написано:

«Какая между ними связь?».

Евгений перечитал фразу. Потом посмотрел на конверты.

На каждом стояла одна из фамилий со схемы.

Первым он открыл конверт Стрельникова. Внутри лежала фотография худого светловолосого парня у торгового прилавка, распечатка старой ориентировки и несколько листов с пометками на полях.

«Вячеслав Стрельников, 1986 г. р. Исчез 18 мая 2005 года».

На момент исчезновения ему не было двадцати. Он учился в радиотехническом колледже и ремонтировал электронику. Последний свидетель видел, как после закрытия рынка Стрельников сел в тёмный автомобиль. За два дня до этого снял деньги и сказал знакомому, что уезжает на работу в другой город.

Сверху прежний Евгений написал: «Слишком готовая и убедительная версия».

Дальше шли копии показаний, фотография комнаты и список вещей. Несколько строк были подчёркнуты, но объяснения рядом не оказалось. Последний лист обрывался на половине фразы: «Отец работал по временному договору...»

Продолжения в конверте не было.

Евгений перевернул его и проверил дно контейнера. Пусто.

Второй конверт принадлежал Анастасии Румянцевой. На фотографии женщина лет тридцати сидела за столом в белом халате и закрывала ладонью нижнюю часть лица, словно не хотела попадать в кадр.

«Клинический нейропсихолог. Исчезла 3 октября 2008 года».

После дежурства она вышла через служебный вход частного центра вместе с мужчиной, которого в журнале приёма не было. Машина, сумка и ключи остались у клиники. Последний файл на рабочем диктофоне удалили.

На полях несколько раз встречались инициалы А. М. Рядом с одним из них прежний Евгений поставил восклицательный знак, а ниже написал: «Доступ подтвердил. Имя новое».

Евгений задержал палец над строчкой. Инициалы могли принадлежать кому угодно. Но после записи в умном замке и сентябрьской ссоры первое имя появилось само.

Алексей Миронов.

В конверте Марии Кузнецовой лежала фотография с университетского пропуска. Девушка с тёмной чёлкой смотрела прямо в камеру и едва заметно улыбалась.

«Студентка факультета журналистики. Исчезла 21 ноября 2011 года».

Её телефон последний раз зарегистрировали у автовокзала. По паспорту купили билет в другой город, но на записи с камеры лицо пассажирки закрывал капюшон. Ноутбук Марии нашли в общежитии сброшенным до заводских настроек.

На отдельном листе прежний Евгений написал: «Искала Румянцеву».

У Максима Макарова страниц оказалось меньше всего. Специалист по восстановлению данных, небольшая мастерская, исчезновение шестого июля 2014 года. На столе осталась включённая паяльная станция, подключённый диск был очищен. Паспорт и деньги из кассы пропали.

Внизу стоял вопрос: «Что успел восстановить?»

Последний конверт, с фамилией Филатовой, был заметно толще остальных. Дарья Филатова работала в отделе страховых расследований и раньше служила дознавателем. Исчезла четырнадцатого сентября 2017 года после встречи в кафе у пригородной станции. Её машину нашли на парковке. Телефон остался внутри, ноутбук очистили удалённо.

К распечаткам была прикреплена мутная фотография мужчины в профиль. Лицо распалось на крупные квадраты. Под снимком прежний Евгений написал:

«Похож на Стрельникова. Возраст совпадает. Проверить нельзя».

Евгений положил фотографию рядом с ориентировкой 2005 года. На одной был девятнадцатилетний парень, на другой — мужчина за тридцать. Линия носа и высокий лоб действительно совпадали. Этого хватало, чтобы увидеть сходство, и не хватало, чтобы доказать хоть что-нибудь.

Он разложил конверты на полу по порядку.

2005.

2008.

2011.

2014.

2017.

Между исчезновениями проходило примерно три года. Разные месяцы, разные районы, разные люди. Студент, врач, журналистка, мастер по ремонту техники, страховой специалист. Ни общей работы, ни общего возраста, ни одного повторяющегося адреса.

Но каждый следующий, судя по пометкам, связан с предыдущим.

Стрельников получил что-то от отца. Румянцева изучала человека, обозначенного кодом. Кузнецова искала Румянцеву. Макаров восстанавливал данные. Филатова сравнивала фотографию с материалами старого дела.

Это была не группа.

Это была цепочка, в которой одно незавершённое расследование переходило к другому человеку.

Евгений вернулся к схеме. От фамилии Филатовой линия уходила вправо и заканчивалась датой без имени:

«2018».

Он сел на складной стул.

Свет в коридоре погас. Бокс остался единственным освещённым прямоугольником среди тёмных дверей. Евгений слышал вентиляцию и отдалённый грохот тележки с нижнего уровня.

Ещё вчера у него было две похожие аварии и несколько причин не верить сходству. Теперь между смертью отца и собственной машиной стояли пять исчезнувших людей. Прежний Евгений не просто работал над большим материалом. Он вписал себя в его продолжение.

Он взял дешёвый смартфон из контейнера.

Задняя крышка была стянута полоской чёрной изолянт. Разъём для SIM-карты пустовал. Рядом лежали короткий кабель и внешний аккумулятор. Евгений нажал кнопку питания.

Экран загорелся не сразу. Через несколько секунд появилась заставка блокировки с тёмными обоями. Евгений приложил большой палец к сканеру — телефон коротко завибрировал и открыл главный экран.

На главном экране находились четыре папки: «Звонки», «Источники», «Фото» и «Алексею». В первой были загрузки с неизвестными номерами, во второй — переписки под инициалами, в третьей — сотни снимков документов, вывесок и автомобилей.

Евгений открыл последнюю.

Внутри лежал один видеофайл.

Дата совпадала с днём аварии.

Он нажал на воспроизведение.

Несколько секунд камера снимала серую стену. Потом в кадре появился прежний Евгений, поставил телефон на полку и сел на тот же стул, на котором сейчас сидел он.

На нём была тёмная куртка с мокрыми плечами. Волосы слиплись от дождя, под глазами легли серые тени. Он посмотрел в сторону коридора и только потом — в камеру.

— Лёш, я не знаю, отправлю ли это.

Голос оказался знакомым и чужим одновременно. Евгений слышал собственные интонации, но не узнавал пауз. Прежний он говорил быстро, то и дело поглядывая в сторону двери.

— Ты был прав. Я всё-таки нашёл Румянцеву. Поехал к ней один и привёз всё, что накопал. Она сначала не поняла, кто я. Потом увидела фотографии.

Он замолчал и потёр ладонью рот.

— Я должен был уйти. Видел, что ей становится хуже, и всё равно включил диктофон. Мне нужен был ответ — вот и всё, что я тогда себе сказал.

Несколько секунд он смотрел в пол.

— И тебя я подставил. Полез через твою учётку, хотя обещал проверить одно имя. А когда ты потребовал закончить, напомнил, на ком останутся запросы. Я не сорвался, Лёш. Я хотел, чтобы ты не вышел из дела.

За пределами кадра что-то прокатилось по полу. Прежний Евгений повернул голову, дождался тишины и продолжил:

— Теперь главное. Румянцева — не отдельная история. Их пятеро: Стрельников, Румянцева, Кузнецова, Макаров и Филатова. У Стрельникова была запись первого запуска. Румянцева работала с человеком, у которого исчезла биографическая память. Кузнецова нашла её уже под другим именем. Макаров восстанавливал файлы Кузнецовой. Филатова вышла на одного из пропавших, живущего с новыми документами.

Он наклонился ближе к камере.

— Все они исчезали с промежутком примерно в три года. После каждого кто-то подчищал документы, записи, историю запросов. Я пока не могу доказать, что за ними стоял один человек. Но каждый каким-то образом, оказался втянут в эту историю.

— И ещё. Сегодня я дважды видел одну и ту же тёмную машину: у дома и рядом с редакцией. Может, просто похожую. Я сменил маршрут, прошёл несколько кварталов пешком и больше её не видел.

Евгений невольно посмотрел на открытую дверь бокса. Коридор оставался пустым.

— Не знаю, был ли это хвост. Может, я уже в каждой машине вижу угрозу.

Прежний Евгений провёл ладонью по лицу.

— Сейчас поеду проверить ещё одну зацепку. Там могут быть старые документы. Если найду то, что ищу, позвоню тебе и расскажу всё. Без условий.

Он помолчал.

— Если ты конечно же захочешь меня слушать.

Он потянулся к камере. Изображение качнулось, на секунду показало разложенные на полу конверты и оборвалось.

Евгений остался сидеть с телефоном в руке.

Он перемотал запись к началу и посмотрел ещё раз. Потом открыл сведения о файле.

Судя по времени файла, запись закончилась за три с небольшим часа до аварии.

Тёмная машина могла оказаться совпадением. Сам прежний Евгений в этом сомневался. Но до столкновения он собирался проверить ещё одну зацепку и после неё позвонить Алексею.

Запись так и осталась на старом телефоне.

Евгений вернулся к словам о Румянцевой. Прежний он ни разу не попросил прощения. Только назвал то, что сделал, и не попытался выдать это за необходимость.

Лена говорила, что он обыскивал её сумку из-за флешки. Алексей перестал отвечать после аварии и ночью вошёл в квартиру. Папки исчезли. Теперь было ясно, с чего началась их ссора: Евгений воспользовался его рабочей учётной записью, а затем заставил остаться, пригрозив теми же запросами.

Павлов назвал Алексея человеком, с которым не следует встречаться одному.

А на старом телефоне лежало обращение именно к нему.

Евгений выключил видео и открыл журнал звонков. Большая часть номеров была записана инициалами. «А. М.» встречалось чаще остальных: короткие разговоры в июне, несколько длинных в августе, затем пропущенные и сброшенные вызовы в сентябре. Последний исходящий — за два дня до аварии. Ответа не было.

В переписках с Алексеем ничего не сохранилось.

Он вернул телефон в контейнер и взял тканевый мешочек. Внутри лежала обычная чёрная флешка без надписей. Корпус был потёрт возле разъёма, будто её часто носили вместе с ключами.

Евгений повертел её в пальцах. В боксе всё равно было не на чем проверить содержимое, а подключать неизвестный накопитель к телефону не имело смысла. Дома он попытается открыть флешку на ноутбуке, отключив сеть. Если, конечно, сначала подберёт пароль к самому ноутбуку — после аварии тот так и остался заблокирован.

Пока Женя рассматривал флешку, телефон в кармане коротко завибрировал. Он достал его, собираясь включить камеру. На заблокированном экране снова появилось уведомление: «Доступ к боксу R-47 зафиксирован». Женя решил, что система продублировала сообщение о его входе, смахнул его и положил флешку рядом со схемой. Затем открыл камеру и принялся переснимать документы.

Евгений снимал каждый лист отдельно, проверяя, чтобы в кадр попадали края и пометки карандашом. Потом сложил конверты обратно по годам и ещё раз развернул схему на коленях.

Из коридора донёсся скрип колёс. Евгений не поднял головы: тележки проезжали мимо и раньше.

— Женя.

Голос он узнал сразу.

Евгений посмотрел в сторону двери. Алексей стоял у отодвинутой тележки, вцепившись одной рукой в металлическую перекладину. Сначала он смотрел только на Евгения, словно раскрытого контейнера, конвертов и старого телефона на полу не существовало. Потом всё же опустил глаза на материалы.

Несколько секунд никто не двигался.

Евгений отложил телефон и поднялся с пола. Алексей сразу подался вперёд, вскинул руку, будто собирался помочь, но остановился на полудвижении.

— Осторожнее.

— Я не развалюсь.

— Ты и с растяжением так говорил.

Реплика вырвалась у Алексея слишком легко. На мгновение его лицо стало прежним — тем, которое Евгений помнил. Потом Алексей отвёл глаза и опустил руку.

— Значит, это ты помнишь, — сказал он.

— Общагу. Травмпункт. Как ты потом неделю проверял, ношу ли я бинт. Тебя помню.

— А остальное?

— До конца мая. Дальше ничего.

Алексей снова посмотрел на него. Пальцы на перекладине разжались, но в бокс он не вошёл.

— Совсем?

— Совсем. В больнице мог бы услышать это от меня.

— Не начинай, Жень.

— Я три раза тебе звонил.

— Я видел.

— И каждый раз ты сбрасывал. Какого хера, Лёха?

Алексей дёрнул щекой.

— Потому что ты бы сказал «Лёха» — вот так, как сейчас, — и я бы приехал.

— Это должно что-то объяснить?

— Мне — да. Я бы опять сорвался тебя вытаскивать. Как всегда. А в последний раз ты попросил помочь, соврал зачем, а потом оставил мне выбор: продолжать помогать тебе или отвечать за то, что ты сделал с моей учётной записью!

Евгений посмотрел на старый телефон.

— Я только что видел запись.

— Поздравляю. Нажал кнопку — и теперь всё знаешь.

— Нет. Я знаю, что сказал. Не знаю, что слышал ты.

Алексей коротко усмехнулся.

— Я слышал, как мой лучший друг спокойно объяснял, что все запросы были сделаны с моей учётной записи. Что, если я уйду, отвечать буду один. Я просил тебя остановиться, а ты уже смотрел на меня как на помеху.

— Я этого не помню.

— Вот только не прячься за этим.

— Я не прячусь. — Евгений выдержал его взгляд. — Это сделал я. Не кто-то другой. И оправдывать тут нечего.

Алексей ничего не ответил. В коридоре за его спиной загудел лифт, затем снова стало тихо.

— После мая у меня нет ни той женщины, ни расследования, ни нашей ссоры, — продолжил Евгений. — Я помню тебя. Но не помню, как мы дошли до того, что ты не смог даже войти в палату.

— А я помню, Жень.

Он произнёс это тише, чем всё остальное.

— И в этом вся дрянь. Ты смотришь на меня как раньше. А я смотрю на тебя и каждый раз вспоминаю, какой же сволочью ты стал.

Евгений опустил глаза на чужой паспорт и разложенные досье.

— Тогда не дели меня на старого и нового. Я сделал это. Но если ты пришёл, скажи зачем.

Алексей медленно выдохнул.

— На резервную почту пришло уведомление о входе. У меня остался доступ.

— Почему ты его не закрыл?

— Потому что после нашей ссоры я больше не верил, что ты сам расскажешь, куда полезешь дальше.

— Значит, про бокс ты знал.

— Адрес и номер. Ключ ты оставил у себя.

— А в квартиру вошёл без ключа от меня.

Алексей снова сжал перекладину тележки.

— Не сейчас.

— Ты вынес оттуда материалы?

— Я сказал: не сейчас.

— Значит, вынес.

Алексей не ответил. Он переступил порог, и его взгляд сразу остановился на чёрной флешке рядом со схемой.

— Ты её подключал?

— Нет. Собирался проверить дома.

— Не надо.

Евгений поднял флешку.

— Чего ты боишься?

— Что ты опять начнёшь с того места, где остановился.

— Что на ней?

— Не знаю. После нашей ссоры ты перестал показывать мне, что добавляешь в архив.

— Значит, там архив. Открыть её можешь?

Алексей посмотрел ему в глаза.

— Могу.

— Пароль знаешь?

— Знаю.

— Откуда?

Алексей перевёл взгляд на флешку.

— Так ты сам мне его дал. Когда мы ещё разговаривали.